

Роман Ревакшин

Городские хроники

(Калейдоскоп очень глупых событий и фантазмагорическое действие, разворачивающееся на фоне алкоголизма и тупости маленького провинциального города.)

I

Петрович и Михалыч, соседи по лестничной площадке, имели между собой особую телепатическую связь, - они почти не общались между собой при помощи слов, и вся ценная информация, циркулировавшая между ними, передавалась взглядом. Выйдут они бывало на лестничную площадку и жалуются молча, упрямо глядя друг другу в глаза, о жестоком похмелье – физическом состоянии, давно сроднившем их исстрадавшиеся души.

Петрович был высоким, худощавым мужчиной немного за пятьдесят с врождённым запахом перегара. Все его знакомые неоднократно замечали за ним некую склонность к слишком долгой философической задумчивости. Он был, без всякого сомнения, исключительно умный человек, но из-за того, что он не делал свои бесценные мысли достоянием широкой общественности, его всё больше считали тупицей. Задумается он бывало о судьбах человечества, да так и простоит целый день перед открытым окном в приятной эйфории. Лишь к вечеру, воскликнув: Да пошли вы все!..» - выходил он из этого странного оцепенения, которое некоторые психиатры считают предвестником довольно серьёзных проблем, и выходил лишь

для того чтобы посмотреть по телевизору наши страшные новости. Надо сказать, что существовала реальная опасность, что однажды, бесконтрольно погрузившись в свои глубокие думы, Петрович не сможет выйти из этого лабиринта мыслей, заблудившись в хитросплетениях дум, подтвердив тем самым наихудшие опасения врачей.

Когда умерла его жена, то Петрович, после пережитого несчастья, стал вести себя так же, как любой несмышленный ребёнок, оставленный на произвол судьбы: перестал снимать в квартире уличную обувь, убирать со стола грязную посуду, начал ходить с лёгкой двухнедельной небритостью, и завёл удобную, а главное нетрудоемкую моду спать не раздеваясь, с каждым днём поднимаясь на всё новые высоты деградации.

Его сосед, Михалыч, был небольшого роста, плотного, мускулистого телосложения и имел непобедимо-воинственный характер, - о чём свидетельствовали многочисленные шрамы на его мясистом, опухшем лице. Бывшая жена Михалыча, Вера Игоревна, обладала не менее воинственным характером. Вместо того, чтобы стать большим начальником или, по крайней мере, генералом, она без всякого сожаления потратила двадцать лет своей тяжёлой жизни на борьбу с Михалычем. Титаническая борьба закончилась тем, что однажды она без надлежащей подготовки совершила отчаянную попытку занять главенствующее положение в семейном лагере, банально прибегнув к грубой физической силе, после чего у неё под левым глазом образовался большущий фиолетовый синяк. Потерпев, таким образом, тяжёлое поражение на семейном фронте, Вера Игоревна ушла к Семёну Павловичу, крупному, по размерам злоупотребления спиртным, сантехнику из соседнего дома, который пил не меньше Михалыча, но был не так принципиален в вопросах разделения власти. Из вещей ушедшая сторона благородно оставила Михалычу трехкомнатную квартиру,

кухонный шатающийся стол, две железные кровати с кривыми ножками и дочь, Ларису, милую крошку, которая любой стерве даст значительную фору.

Кроме этого о девушке можно было бы сказать, что эта тощая девица с впалой грудью была на редкость трудолюбива, - ведь никто не может сказать, что для того, чтобы целыми днями валяться на кровати, часами болтать с подружками по телефону, бесцельно шляться по косметическим салонам, барам и дискотекам не требуется огромных затрат сил и, особенно, денежных средств, в добывании которых девушка проявляла гениальную изобретательность и настойчивость, - в этом довольно хлопотливом деле ей помогала годами выработанная и отточенная до совершенства привычка не отдавать долги. На протяжении всей своей ежедневной увлекательной программы Лариса непрерывно курила и была непременно навеселе. Просто диву можно было даваться как в такое хилое, тщедушное тело вмещалось столько табачного дыма и алкоголя - куря, она, надо сказать, затягивалась так глубоко, что глубину её легких многие мысленно сравнивали с глубиной Марианской впадины. Вся трудовая деятельность милой девушки состояла из двух недель, в течение которых она работала в мужском зале парикмахерской, и где она очень быстро сумела получить прозвище «стригущий лишай», не затратив для этого больших усилий и полагаясь лишь на природные способности и личный вкус.

С раннего детства Лариса была обделена нежной отцовской любовью и уже на заре своей бурной юности решила во что бы то ни стало наверстать упущенное, проявив патологическое тяготение к мужчинам всех возрастов, типов и наклонностей, у которых она впоследствии, как многие из них признавали, вызывала стойкую ассоциацию с вечным двигателем. В таком же вечном движении в их квартире находились два мальчугана и девочка - плоды попыток Ларисы обрести подлинную любовь. О материнстве она задумалась довольно рано: «Я кажется

беременная, - подумала однажды Лариса, - ну её, эту школу, буду матерью, - сказала она себе». Однако для её современной натуры дети были лишь обузой и чаще ими занималась бездетная соседка Ира, подруга Ларисы, хотя и она, нельзя сказать, чтобы слишком полюбила детей, потому что вся эта шумная детская компания с утра до ночи энергично прыгала, бегала, озорничала, создавая такой густой звуковой фон, что даже их дедушка иногда обращал на них внимание, когда они скакали по нему. Михалыч абсолютно равнодушно относился к внукам, считая их только детьми дочери и не более. Лишь к одному члену семьи Михалыч питал постоянный неподдельный интерес - к геройскому коту Василию, у которого была наглая, подранная в жестокой борьбе за жизнь, бандитская, грязная от помоек морда, - очень, кстати, похожая на физиономию его мрачного хозяина. За всю жизнь от него никогда не слышали ни мурлыканья, ни мяуканья, никакого-либо другого приятного звука. Васька ежедневно участвовал в жестоких кошачьих потасовках, из-за чего его серая шуба изрядно страдала, каждый день покрываясь свежими шрамами. Михалыч, чисто из художественной прихоти, часто любил послушать, как он говорил, «серенаду Солнечной долина», наступив Ваське на длинный хвост. Нравились ли подобные вокальные упражнения Василию, неизвестно, но при появлении Михалыча он моментально, не дожидаясь особого приглашения, старался спрятаться под кухонный стол. Было в их квартире и то прекрасное время, когда у них жил игривый и забавный белый хомячок; но в один прекрасный день, Васька, совсем изголодав, пошел на тяжкое и, как это не прискорбно, замочил животное.

Жили наши герои в одном из пятиэтажных домов, в небольшом, почти захудалом городишке, каких так много в нашей стране. Перед каждым подъездом дома стояла полуразложившаяся лавочка, а перед всем домом обычно находилась овальная клумба: без цветов или с цветами, если у кого-то хватало ума заняться цветоводством.

По причине приезда в город очень большого государственного чина, если не сказать самого большого в государстве, все дома были выкрашены в едко-жёлтый цвет. Их собирались выкрасить и в оранжевый, и в синий, и в весёленький бежевый цвет, однако, в конце концов, городские чиновники мудро решили, что повальное засилье капитализма в стране еще не успело глубоко развить эстетические и художественные вкусы горожан; да и нечего, рассудили отцы города, смущать их неприятной новизной, тем более, что большая часть денежных средств, выделенных на покраску домов центрального района города, непонятным образом исчезла, и денег хватило лишь на самую дешёвую – жёлтую краску.

Ожидая приезда действующего президента, желавшего быть избранным на второй срок и проводившего предвыборное турне по стране, городские власти издали несколько важных указов: прежде всего приказали поставить всю находящуюся в здравом уме и твердой памяти милицию строго в вертикальное положение, а всем милиционерам приказали повесить бдительность - ходить по двое и задерживать всех, кто собирался в компании больше трёх человек на квадратный метр. Приказ был особенно актуален после недавнего вопиющего случая, когда две пьяные проститутки избили участкового, и городских блюстителей

порядка после этого безжалостно обвинили в том, что они мало занимаются проституцией. Бдительность милиции должна была оградить главу государства от террористических и всяких других актов. Не то чтобы в городе водились экстремистские политические группировки антиправительственного толка или террористы-самоубийцы, нет, просто существовала определенная вероятность нанесения высокопоставленной особе непоправимого физического ущерба, то есть самосуда, от самих почтительных граждан. Во время предвыборных баталий страна обычно делилась на «свои» и «чужие» города, и в «чужие» города совать нос политикам совсем не рекомендовалось. Город не был «своим» для действующего президента, однако, всегда осторожные политические деятели, совершенно теряют голову во время пика предвыборной компании, и во имя лишнего голоса готовы сунуть голову в любое адское пекло, приехать в любой, даже самый отдаленный город в любой точке земного шара, как бы ни было настроено население этого города, лишь бы получить лишний голос какого-нибудь заевшегося тунеядца-лежебоки или не просыпающегося от безделья тугодума-увальня, чтобы в итоге обойти ближайшего соперника и получить в свои руки заветную власть, то есть законное право обирать, грабить и обманывать. Городскими властями так же был издан дальновидный циркуляр, строго-настрого запрещающий выпас крупного рогатого скота в центре города. Но его вряд ли кто из жителей принял всерьез - с таким же успехом они отменить ношение ушей.

В то раннее утро Петрович и Михалыч по обоюдному телепатическому импульсу одновременно вышли на замусоренную лестничную площадку; молча душевно потрясли друг другу руки, молча жалостливо посмотрели друг другу в глаза. На этом передача приветственной информация закончилась, и они важно, медленно, с полным сознанием своего достоинства, слегка спотыкаясь, спустились вниз по лестнице и вышли во двор, где весенняя оживающая природа сулила им много новых впечатлений. Любой человек, увидев эту интересную пару и оценив их костюмы, мог бы принять их за двух пожилых аристократов в зените мудрости и духовного величия, готовящихся к какой-то траурной процессии, если бы не торчащая из помятых штанов клетчатая рубашка Петровича, которая была далека от того, чтобы пахнуть зимней свежестью стирального порошка; и в некоторых местах разорванный полосатый пиджак Михалыча, под которым не было никаких видимых признаков рубашки, а только лишь седая мохнатая грудь, готовая живописно колоситься под любым слабым порывом ветра.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

II

На улице ярко светило утреннее, манящее солнце. Весенняя неокрепшая зелень, очнувшись от долгой серой зимы, резала глаз пестротой и насыщенностью красок на фоне кричащего цвета

желторотых домов. Было, без сомнения, совсем тепло. Об этом безошибочно можно было судить по соседскому юному уникаму, мальчику Вите, с которого родители снимали шубу только при плюс двадцати. Витя стоял возле оживающей клумбы, с несказанным удовольствием ковыряясь в носу, так глубоко погружая в него худенький длинный пальчик, что, казалось, чешет им свой мозжечок.

Посреди расцветающей клумбы стояла Вера Игоревна, бывшая благоверная супруга Михалыча, выгуливавшая в это время недавно выращенного с огромными усилиями английского дога ростом с годовалого теленка. Она, по всей вероятности, была уверена, что клумба — это место, предназначенное именно для выгула собак и никак иначе. В этот момент животное было занято своими естественными потребностями. Вера Игоревна с преданной любовью смотрела на драгоценное чадо, всеми фибрами своей натуры переживая одно из самых важнейших в жизни любой собаки событие. Она как-то неестественно волновалась и всё хотела чем-то помочь своему любимцу, но не знала как и чем - всё вроде бы происходило само собой. Увидев её, Михалыч цинично присел в глубочайшем реверансе, а Вера Игоревна скривила недовольную мину, плюнула и отвернулась.

- О, ё..., во погода б...! – вырвалось у Михалыча, когда он немного осмотрелся. Тут же соседский вундеркинд Витя, подающий большие надежды как будущий лингвист, напряг свой детский слух и не по-детски развитый ум, - он, как и все дети был явно равнодушен к подобным фразам. Его голубые маленькие глазки быстро забегали, а уши превратились в локаторы дальнего радиуса действия.

Витины родители, чрезвычайно интеллигентные люди, уже давно только диву давались, услышав от сына в присутствии воспитательницы детского сада или за праздничным столом при уважаемых гостях такие идиоматические выражения, о полном значении которых даже они могли только догадываться. «Откуда?» – спрашивали себя папаша и мамаша, каким образом

подобные фразы могли проникнуть сквозь уставленные книжными шкафами стены? Им было невдомек, что Михалыч давным-давно упорно работает над передачей опыта молодому поколению, значительно пополняя Витин словарный запас.

Переглянувшись, два друга твердо ступили на слегка пошатывавшуюся землю. Люди, которые не имели удовольствия близко знать наших героев, также могли бы случайно подумать, что те могли направляться в библиотеку или, на крайний случай, в местный краеведческий музей, но по какой-то странной иронии доли их путь лежал в местную забегаловку для очень широких слоев населения, включая люмпенов и опустившихся аристократов, с прелестным названием «бар «Шарм»», а в простонародье просто – «Шарманка». Дорога была недалекая: бар располагался в здании городского суда, которое, в свою очередь, располагалось не так далеко от места проживания наших друзей.

Надо сказать, если вам вдруг придется когда-нибудь искать здание городского суда в маленьком городе, вы почти безошибочно найдете его по большому скоплению дорогих машин перед фасадом. То ли люди, у которых есть деньги, часто судятся, то ли люди рассматривающие их дела, имеют большие деньги, не ясно. Но боже вас упаси перепутать городской суд с

налоговой инспекцией - здание налоговой инспекции всегда выгодно отличается своей новизной и кованым забором.

Бар «Шарм» размещался в боковой части здания суда, в полуподвальном помещении. Побродив некоторое время среди желтых домов, Петрович и Михалыч наконец взяли точный курс и вскоре вышли на улицу, ведущую к источнику удовольствий. С большим трудом ветераны перебрались через несколько перекрестков и, в конце концов, дошли к вожденной цели своего путешествия. Было, однако, уже четыре часа дня, когда они стали спускаться вниз, спотыкаясь о высокие ступеньки, ведущие к дверям бара.

В анналах всемирной истории непроницаемым мраком покрыты сведения о том, что именно там делали два друга, известно лишь, что в один из моментов их пребывания в баре Петрович спустился под стол и на довольно настойчивые предложения какого-то пьяного верзилы, обтянутого с ног до головы в чёрную кожу, выйти оттуда, отвечал лишь упрямым молчаливым отказом. Наиболее достоверно известно лишь то, что вышли они из бара не без посторонней помощи, причём Михалыч находился некоторое время в состоянии полной невесомости, созданной для его удовольствия заботливыми руками двух вышибал и бармена. Его тело с треском открыло дверь, а затем, сохранив некоторую инерцию, шлепнулось на ступеньки, после чего тело протащили по ступенькам вверх и выбросили на тротуар. Петрович вышел из гостеприимного заведения почти самостоятельно, подгоняемый непочтительными пинками и интенсивно помогая заплетающимся ногам руками. На задней нижней части его туловища виднелись следы чей-то грязной обуви гигантского размера. Пройдя таким странным манером вверх по лестнице, он замертво свалился возле Михалыча.

Долгое время их бездыханные тела покоились неподвижно на тротуаре. Из бара доносилась приятная музыка, и задорный женский смех оглашал окрестности. Через их тела перешагивали компании пьяной молодежи. Дул лёгкий, прохладный вечерний ветерок, располагавший к расслабляющим наслаждениям и спокойной радости. Но все это было недоступно ни Михалычу, ни Петровичу.

Михалыч, надо отдать ему должное, пришел в себя первый: он поднял свинцовую голову и напряженно пытался понять, что раскачивается с такой бешеной амплитудой: голова или окружающая его объективная действительность. Деревья, фонарные столбы, проезжающие в сумерках машины – всё слилось в один матового цвета студень, нескончаемым потоком плывший перед глазами, закручиваясь в вихри и маленькие смерчи. Пока Михалыч осознавал весь критический реализм настоящего момента, тело Петровича, возбужденное настойчивыми телепатическими импульсами друга, стало подавать слабые признаки жизни: оно протяжно застонало, перевернулось с бока на спину и устремило полный всепоглощающей задумчивости взгляд в бездонную глубину ночного тёмно-синего неба. Тяжесть выпитого многотонным грузом притягивала обоих к земле и, казалось, нет во всей вселенной силы, способной поднять их на ноги. Но Михалыч не был бы Михалычем, если бы непреклонная воля не помогла бы ему одержать победу над собой и земным притяжением. Сперва он встал на четвереньки, затем на колени, а затем, совершив

головокружительное акробатическое упражнение, встал на широко расставленные ноги, раскачиваясь из стороны в сторону как маятник. Так Миалыч за несколько минут прошел весь путь, пройденный человечеством за миллионы лет. Неверной походкой подошел он к Петровичу, с трудом нагнулся, схватил за шиворот и принялся остервенело его трясти.

- Эээ, ууу, бл..., су..., ты чё ё... - обращался он к другу, но тот был безмолвен, как чёрная дыра, и лишь тяжело и часто дышал. В этот момент яркий пучок света осветил их силуэты: сгорбленная фигура Михалыча, трясущая тело, не подающее видимых признаков жизни, ночь, лунный свет – картина в общем была более чем сильная. Странный темный угловатый объект расплывчатой формы приблизился к ним. По своим контурам он напоминал летающую тарелку после неудачного приземления. Из объекта вышло несколько крупных гуманоидов в странной серой униформе; на голове у них были странные фуражки с красными околышами. «Инопланетяне» - мелькнула в голове у Михалыча последняя здравая мысль, когда неведомая могучая сила схватила его за ноги и потащила по направлению к летающей тарелке, заставляя больно ударяться головой о тротуар.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

После загадочного, невероятного мистического случая, когда их забрали инопланетяне, Петровичу и Михалычу пришлось провести сутки в камере предварительного заключения. Такого общепринятого оплота цивилизации как вытрезвитель в городе не имелось. Когда Петрович через сутки вернулся домой, - не слишком питательная и не слишком свежая пища, подаваемая в подобных заведениях, вызвала довольно сильные боли в его желудке.

Безвременно ушедшая жена Петровича любила почитать книги. После её смерти Петрович перенял это похвальное увлечение, но делал это по-своему и своеобразно, - он часто засиживался за чтением классиков в туалетной комнате, и читал до тех пор, пока от книг оставались лишь твердые негнущиеся части. «Кобзарь», Тараса Шевченко, он прочитал за пять месяцев, «Войну и мир» - читал около года, а вот когда, однажды, он съел что-то в высшей степени несъедобное и быстрое как ртуть, то просто-таки проглотил пьесы Чехова, прочитав книгу за какие-нибудь четыре дня. А некоторые говорят, что они не интересные. После эдаких подвигов можно без преувеличения считать некоторую часть туловища Петровича одной из самых начитанных задниц в Европе, - и это если не брать в расчёт прочитанных им произведений писателей, чьи книги с самого рождения предназначены для подобного пользования, как, например, каракули вашего покорного слуги, автора этой уродливой книжки. (Хотя по сравнению с тем, как неуклюже несут ахинею некоторые весьма уважаемые авторы, я несу ахинею намного лучше.)

Пока Петрович страдал от внутренних неудобств, читал и перечитывал «Преступление и наказание», Михалыч утолял жажду огуречным рассолом, заливая его в себя, как в сухую, истомленную жарой землю. Тёмные круги под глазами и подбитая губа придавали несколько зловещий и потусторонний вид его сгорбленной у кухонного стола фигуре. Не обращая внимание на период полного оупения, переживаемый отцом, Лариса прифуфыривалась перед зеркалом – верный признак того, что-либо она собирается надолго исчезнуть из дома, либо к ним собирается пожаловать какой-нибудь гость противоположного пола. Прихорашивалась она, так же как и делала всё остальное, стремительными, непредсказуемыми движениями: то хаотически орудуя у себя на голове расческой, совершая круговые движения, как будто взбивала сливки; то, неожиданно и совершенно необдуманно, хватала свободной от взбивания сливок рукой губную помаду и наводила губы; то, моментально отложив расческу, брала с тумбочки карандаш и выводила узоры на бровях; то размашисто разукрашивала глаза, выражение которых, надо сказать, сильно напоминало выражение глаз воблы. Было ясно, что она, во что бы то ни стало, стремилась раскрасить себя под хохлому или иное другое произведение народного творчества из дерева.

Неожиданно Лариса решила пояснить причину своих приготовлений:

- Папан, ты бы испарился, а? Ко мне придут, – закричала она из коридора.

- Какого х...? – возразил Михалыч, который в это время сидел, опустив тяжелую голову на бессильные руки.

- Ля, ты гонишь!!! – с обидой в голосе запищала Лариса.

Да, с таким веским доводом невозможно было не согласиться. Михалычу ничего не оставалось делать, как принять

строгий вердикт. Как не был болен глава семейства, но у него хватило умственных сил и здоровой рассудительности, понять, что встреча с прежними или новыми друзьями дочери не сулила ему ничего хорошего. С того времени, как двое подвыпивших приятелей дочери, шутки ради, хотели выколоть ему глаз, Михалыч стал избегать открытых столкновений между классическим алкоголизмом и ортодоксальным юношеским дофенизмом.

Лариса зашла в кухню, чтобы схватить со стола сосиску.

- Поди-ка проветришь, тебе после ментуры требуется долгий отдых и новые э...э...э как их ...впечатления. – Её голос приглушал звонкий детский смех и мерный грохот за стеной, где пятилетний Алёша с удовольствием вгонял в стену комнаты, обхватив двумя руками ручку молотка, огромный гвоздь. Рядом с ним, расевшись на полу, за этой сложной операцией следили две пары восхищенных детских глаз его брата и сестры. Младший брат от избытка чувств смеялся с таким энтузиазмом, что крупно наделал в штаны и этим слегка портил общую радостную атмосферу всей честной компании.

Нисколько не обращая внимания на посторонние звуки, Лариса продолжала:

- Кстати, ко мне придет опытный юрист, у тебя нет претензий к органам? – усмехнулась она, делая движения руками и телом, явно несанкционированные мозгом, что было обычной манерой её поведения: её тощее тело как будто начинало биться в лёгких конвульсиях. Она стала заламывать руки, потом надувать губы, потом выпячивать грудь, - в общем, выпендриваться, как только могла, репетируя встречу с гостем. По её поведению и речи, иногда складывалось впечатление, что Лариса живет, не приходя в сознание, находясь в каком-то эфемерном узком мире людей, которые до сих пор пользуются идеалами каменного века: еда, сон, самец.

- Пошла ты на... - Михалыч, расстроившись, медленно побрел в спальню, так же медленно собрал разбросанную по полу одежду, оделся, вытер нервно трясущимися рукавами пиджака обшарпанные туфли, давно и безвозвратно простившимися со шнурками, и пошел на улицу. После небольшого телепатического сеанса на пороге дома появился его верный друг - Петрович, изможденный телесными недугами, чтением и глубокими размышлениями на никому неизвестную тему. Его движения напоминали поведение заржавевшего от плохого ухода работающего последние дни перед капитальным ремонтом, и в тот момент он был если не форменным зомби, то хорошим наглядным пособием на человека впавшего в немилость природы. Переглянувшись, два друга молча договорились о пункте их будущего назначения. На этот раз путь лежал в пивной бар «Орфей». Несмотря на поэтическое название, это была на редкость грязная тошнилловка, широко известная в городских кругах любителей крепких спиртных напитков, - напитков от которых, благодаря заботе и доброте владельцев заведения, если сразу не умирают, то или слепнут или очень тяжело мучаются.

Недалеко от их дома мимо них прошел молодой человек, уверенной походкой шагающий на романтическую встречу с Ларисой. Молодой человек был высокого роста, в сером костюме и при галстуке. По его какой-то противной физиономии в нем безошибочно можно было определить государственного чиновника или человека, связанного с коммерцией, что часто бывает одним и тем же, а в общем, он представлял собой одного из тех новых энергичных молодых людей, которые ни на что не годны и готовы на всё. Звали его - Вовик. С Ларисой он познакомился два дня назад в одном из местных баров, которыми так густо усеян любой небольшой городок. (Во времена общегосударственного кризиса большинство людей, по-видимому, предпочитают ютиться по барам и ресторанам, и, если судить по количеству этих заведений на отдельно взятого гражданина города, то это было самое важное и необходимое место в городе.)

В тот вечер знакомства Ларисы и Вовика, который придётся осветить отдельно, эстетическая обстановка в том самом баре «Шарм», определённо располагала к культурному отдыху: клубы дыма, приятный запах конюшни и знойная барменша и официантка Леся, выкрашенная в роковую блондинку. Когда Леся наклонялась над столиками, принимая заказ, у большинства здоровых мужчин возникали всякие неприличные фантазии и резко поднималось настроение. Когда же заказов не было, то Леся обычно сидела за стойкой бара и с томным видом, пользуясь передышкой, думала, уставившись в одну точку, о том, что в то же самое время Ди Каприо, быть может, сидит в шикарном ресторане на Манхэттене, среди небоскребов, с фешенебельной женщиной, дегустирует экзотические вина и отведывает изысканные блюда, а на авеню их ждет длинный-предлинный лимузин в розовый горошек. Иногда Леся отвлекалась от мечтаний о Ди Каприо, чтобы с унылым выражением лица заняться не менее интересным занятием: сосредоточенно наблюдать как одна сонная весенняя муха взбирается на другую.

Вовик в тот вечер сидел за столиком с Петей, одним ограниченным субъектом, одетым в спортивный костюм, с расплывшейся от недоедания физиономией и бритой до корней волос головой. Работал он вместе с Вовиком в так называемой фирме, весь так называемый персонал которой составляли профессиональные мошенники. Пётр в тот день был в духе и разглагольствовал о дамах, - о чем же могут говорить мужчины между собой, как не о женщинах.

- Вовик, я тебе говорю немки самые простые бабы. Она если хочет мужика, то прямо ему в лоб об этом и скажет, это тебе не

англичанки или француженки какие-нибудь, а тем более наши клуши. И никаких вопросов, все по-деловому - ты – мне, я – тебе. Все просто гут! – Почему он составил себе такие представления о немецких девушках и женщинах – не понятно, ведь он не только не был в Германии или какой иной стране за пределами четырех городских кварталов, но даже не был знаком ни с одной женщиной из другой страны. Все сведения об окружающем мире он черпал преимущественно из порнофильмов и интернет журналов.

В фирме Петр работал техническим директором (все в ней были либо директорами, либо, на крайний случай, вице-президентами), от него главным образом зависело качество подделываемых документов. Он жил в мире компьютеров, модемов, принтеров, копиров, а, главное, мобильных телефонов, свято веря, что даже половая связь бывает сотовой. Как и каждому из директоров этой фирмы, ему полагалось иметь секретаршу, и тут уж он, надо сказать, разворачивался как никто другой, находясь в непрерывном поиске своего идеала, каждые два месяца увольняя прежнюю и принимая на работу новую девушку. Критерии строгого конкурсного отбора были просты: хорошая фигура и умение включать кофеварку. Обещалась фантастическая зарплата, которую, даже из числа наиболее настойчивых девушек, никто никогда не видел.

В тот вечер получилось так, что столик, за которым сидела Лариса со своей новой закадычной подругой Наташей, оказался рядом со столиком Вовика и Пети. Наташа совсем недавно переехала жить в город, но уже успела накрепко сдружиться с Ларисой. Девушки также вели оживленную беседу. И о чем же могут говорить женщины, как не о мужчинах? Наташа, которая в своём предыдущем городе была в некотором роде известной каждой собаке особой, с жаром рассказывала Ларисе о своем новом любовном романе, который произошел в парке отдыха с

прапорщиком городской пожарной части. Она страстно рассказывала Ларисе о том, что настолько вчера распалилась, что укротитель огня был вынужден достать свой брандспойт, чтобы загасить всепоглощающий огонь ее страсти прямо на глазах изумленных прохожих. Когда оглушительные звуки музыки, наполнявшие бар, иногда стихали, были слышны истерические крики, испускаемые Наташей: «Это был торч!», «Я перлась как последняя!..», «Крышу рвало!..», и другие подобные восклицания, описывающие, полную палитру пережитых ощущений.

Эти возгласы не могли не привлечь внимание такого светского льва, как Пётр, и он, чувствуя, что достаточно пьян для знакомства, изъявил желание «побазарить с телками», после чего их знакомство стало простым делом техники: большинство знакомств между незнакомыми женщинами и мужчинами происходят обычно на фоне пьянства. Пётр подошел к столику девушек и осведомился: «Не хотят ли девушки выпить?». «А есть у кого... в смысле где?» – поинтересовались девушки сразу переходя к деловой части встречи. Наташе Пётр сразу понравился. И больше всего в Пете ей нравилось то, что он её совершенно не знал, а значит не мог составить о ней превратного впечатления со слов недоброжелателей и злопыхательниц, которых было так много в карьере скромной беззащитной девушки.

К трём часам ночи Петр договорился, что встретится с Наташей в уже облюбованном ею парке отдыха, а Вовика Лариса пригласила к себе домой, пообещав во что бы то ни стало «вытурить детей и папу».

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

IV

Пока Вовик собирался поближе познакомиться с Ларисой, Петрович и Михалыч мерно брели по направлению к центральной площади города. Еще издали они заметили на площади небывалое для этих мест скопление народа. Вся площадь, обычно, представляла собой большую лужу, но по случаю визита действующего главы государства она была осушена секретными средствами и на свет божий показался серый булыжник. Друзья без всякого раздумья и злого умысла втиснулись в толпу, расчищая себе дорогу локтями и пытаясь пробраться поближе к трибуне, где происходили основные события собрания. На трибуне стояло порядочное количество мужчин в костюмах; на них были направлены видеокамеры арендованных на время агитационного тура неподкупных журналистов. У некоторых из стоявших на трибуне мужчин в руках были громкоговорители, другие же говорили в микрофон, и до собравшихся постоянно доносились непонятные выражения: «кадровая политика»; «перспективный план»; «устранение противоречий между законодательной и исполнительной властью»; «подготовили указ»; «увеличение в среднем на надцать процентов»; «в рамках предвыборной компании»; «вопрос финансирования»; «конструктивный диалог» и так далее, и тому подобное. Все это

говорились такими притворно слащавыми голосами, какие бывают только у политиков перед выборами и у женщин легкого поведения при исполнении. Народ же, открыв рты, с наивным вожделением внимал этой заученной болтовне искусных партийных крикунов и демагогов. Рядом с президентом стоял, пытаюсь сохранить серьёзное выражение лица, мэр города, Константин Иванович, человек во всех планах положительный и хозяйственный, умеющий вовремя отвести русла бурных финансовых потоков в собственный карман, о чём могли красноречиво свидетельствовать два загородных дома, оформленные на тещу и жену, и одна маленькая четырёхэтажная дача с приусадебным участком в шесть гектаров, оформленная на любовницу. То есть, все полагающиеся любому уважающему себя мэру атрибуты власти были налицо. Год назад, во время своей личной предвыборной кампании, население города крепко взяло за душу неголословное обещание Константина Ивановича предоставить каждому нуждающемуся в автотранспорте инвалиду по «Феррари» с ручным управлением, и абсолютно честно тогда признался, что будет брать только левой рукой, и никак иначе, хотя был правой. Так что, по части выборов он был большой мастак.

В это время началось выступление одного из председателей сельской партии возрождения всего того, что они же сами и уничтожили; который начал распинаться на благодатную тему о том, как плодovита наша родная земля, что и в этом суровом по нашим меркам году, несмотря на героические усилия крестьян, значительная часть огромного урожая осталась в поле, где его накрыл невесть откуда выпавший снег. Подобные речи, произнесенные столь льстивыми голосами, направлены, конечно же, на то, чтобы у населения перед выборами неожиданно возникало смутное ощущение, что наши политики когда-нибудь всё же приобретут хоть каплю совести и начнут думать не только о

себе. Ведь в народе ни один век ходят легенды, передаваемые из поколения в поколение, что и среди политиков тоже бывают порядочные люди. Очень хотелось бы, однако, на них посмотреть!

В это время на сцену, сопровождаемый громкими аплодисментами господ в костюмах и гробовым молчанием толпы, видимо напуганной скоплением стольких честных людей в одном месте, бодро взошел неказистый мужчина, из-за которого и был устроен весь этот цирк. Сухим, скрипучим голосом он стал рассказывать о позитивных непредвиденных сдвигах в экономике страны. Но говорил как-то неуверенно, поминутно вздыхая, с мрачным устало-снобистским видом, по-видимому, очень сожалея, что ко всем этим позитивным сдвигам он не имеет никакого отношения. Затем, после окончания величественной тронной речи по плану организаторов должен был произойти рекламный акт единения главы государства с подведомственным ему народом. Ребята в костюмах стали спускаться с трибуны. Народ, поддавшись любопытству, стал двигаться вперед, напирая на впереди стоящих. Колонна очень важных персон, окруженная устрашающего вида телохранителями, у которых даже лица были мускулистыми, медленно начала продвигаться сквозь толпу к большому черному машинам, стоявшим немного поодаль и сверкавшим на солнце иностранными эмблемами. Между делом, под взглядом видеокамер, высокопоставленные гости решили заговорить с каким-нибудь смущенным неожиданным вниманием жителем города. Глава процессии обратился к группе испуганных старушек:

- Ну как, нравится вам ваш президент, будете за него голосовать?

- Пинка тебе надо дать под зад, п...ор, чтоб не спал на ходу! — слышался хриплый, но громкий голос с того места, где стоял Михалыч.

И тут начался большой переполох! Отец нации закашлялся, съежился и выказал все признаки желания быстро удалиться, опасаясь за общую репутацию своего образа. Телохранители поняли намек, плотным кольцом обступили подопечного и вытащили огромные пистолеты. Народ недовольно загудел. Тут же как из-под земли возле Михалыча появились два громадных милиционера и стали производить над ним движения, как будто выколачивали ковер. Надо сказать, из Михалыча не вылетело бы столько пыли, если бы в руках у милиционеров не было резиновых дубинок. От одного такого удара любая совершеннолетняя крепкая лошадь села бы на задние ноги. Наш герой не обладал лошадиным здоровьем, ноги Михалыча подкосились и вместе с пылью из него выбили и дух. Он упал среди предусмотрительно расступившихся сограждан, погрузившись в непроницаемую темноту.

- Э-э..., пслт... чдлтд... (Послушайте, что вы делаете?!) – попытался проявить солидарность и заступиться за репресслируемого товарища Петрович, но тут же получил сотрясение чего-то вроде головного мозга, и очутился в той же самой темноте, в которой уже комфортно располагался Михалыч, став очередной жертвой вопиющего случая доброты властей.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

На время свидания с Вовиком, детей Лариса, как обычно, решила препроводить к своей старой подруге Ире, жившей этажом ниже, и с которой у них было много общего в характере. Но услышав о подобной перспективе, Ира, в этот раз, почему-то не проявила необходимого в подобных случаях энтузиазма. Она еще не пришла в себя от прошлого визита детей подруги. Во время прошлого пребывания малыши совершили такой жестокий переполох в жилище, что ее мужу долго пришлось ремонтировать расшатанную весельем обстановку квартиры. Особенно был опасен самый маленький – Валера, выказавший огромный интерес к обоям и дорогой мебели, и, хотя он ещё едва мог ходить, но уже имел большие задатки агента по недвижимости. Благо муж Иры, Ваня, был милейшим и безотказнейшим человеком, совсем не пил и не курил, и мог исправить любую сломанную мебель. Все несуществующие у мужа дурные привычки Ира мужественно возложила на свои хрупкие женские плечи, наполняя квартиру едким дымом крепкого табака и постоянно пополняя запас пустых бутылок. В этот раз только покорность судьбе и настоящая женская солидарность, проснувшаяся в Ире после эрогенного рассказа Ларисы о радужных перспективах её будущего счастья, описанные в самых замысловатых выражениях, на которые только была способна извращённая фантазия Ларисы, заставили Иру погрузиться в новый кошмар.

В положенный час Вовик с силой давил на дверной звонок. Дверь, покрытая изрезанным дерматином, как будто была в шрамах, открылась и на пороге появилась Лариса, расплывшаяся в широкой искусственной улыбке. Она была в одной из своих лучших боевых раскрасок, а покрашенные белой помадой губы придавали ей удивительную схожесть с приведением. Вовик посчитал лишним преподнести Ларисе в подарок что-либо, кроме бутылки вина, а Лариса посчитала лишним поставить еще что-либо на стол. Некоторое время они пытались завязать разговор, Вовик даже рассказал на память анекдот, но разговор как-то не шёл – сказывалась неопытность молодого любовника, а может быть даже это была стеснительность и неожиданно проснувшееся в сухом сердце юриста некое светлое чувство, кто его знает. Они долго сидели, улыбаясь друг другу, поняв, что трезвыми им совершенно не о чем разговаривать. Поэтому они быстро выпили бутылку вина, и после молчаливых тостов, завязалось некоторое подобие беседы, заключавшейся больше в рукопожатиях и взглядах. Так продолжалось до тех пор, пока в нежном взгляде Ларисы не появился отдаленный вампирский огонек, заставивший Вовика испугаться, как бы от него не потребовали сделать чего-нибудь, к чему он может быть ещё не готов. Лариса, наконец, недвусмысленно предложила ему пройти в спальню, где она медленно осмотрела его с ног до головы испытующим взглядом амазонки, выбирающей себе нового боевого коня.

- Владимир, вам бы не хотелось, например, возбудить против меня какое-нибудь дело? – нашлась, что спросить Лариса, при этом заметно расслабившись. Она непринужденно добавила, что сильно, почему-то, устала и легла на диван, не забыв при этом раздеться. Вовик, как человек давно готовящийся стать настоящим мужчиной, не мог позволить девушке замерзнуть и должен был согреть её теплом своего тела, других подручных средств в его распоряжении в тот момент не было. Что произошло потом,

приходится пропустить, потому что иногда даже самая смелая фантазия бессильна перед любовными упражнениями. Кроме того, не все знакомы с приёмами эквилибристики, да и задача описать всё это слишком, надо признать, щекотливая и сложная для моих слабых нервов и таких же слабых способностей.

Когда Вовик собрался уходить, то в коридоре он повернул к Ларисе свое изнурённое бледное лицо, слегка обнял ее за голые плечи (Лариса вышла провожать его по-домашнему: в одних чулках и домашних тапочках) и устало, но чувственно произнес без малейшей тени иронии:

- Спасибо за восхитительные незабываемые мгновения, милая Лариса. Вы – девушка удивительно широкой души. – И слезы умиления навернулись на его глаза. Лариса в свою очередь поправила его разорванную рубашку, на которой вместо пуговиц зияли крупные дыры:

- Заходи, Вова, если чё... – сексуально прошептала она ему в ухо и застегнула молнию его штанов оточенным движением опытной руки.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

Спускаясь в мечтательном настроении по длинной лестнице подъезда, Вовик чуть не наступил на несколько кошек, лежащих, бегающих и прыгающих повсюду. Возле подъезда также то тут, то там были разбросаны вольготно и вульгарно развалившиеся тела мохнатых созданий. Радуюсь солнечному тёплому дню, кошки лежали в самых nepотpeбных позах, как прайд львов среди саванны. Разморённые жарой, они время от времени помахивали полосатыми хвостами, как веерами, илизывали бархатные подушки на лапах. Кошки давно потеряли осторожность из-за сытной и спокойной жизни, а иногда рядом с ними разваливались местные дворовые собаки, такие же ленивые и откормленные. Все кошки в округе воспитывались бабушкой Тоней, жившей на втором этаже дома. У кошек всегда были туго набиты животы, – на это уходила вся скудная пенсия сердобольной старушки. Несмотря на несчётное количество питомцев, Антонина Петровна знала каждую кошку, что называется, в лицо и по имени, за что они платили ей отменным аппетитом и с удовольствием пачкали, царапали и грызли всё, что только можно было испортить. Некоторые из кошек имели странные клички типа Василька (от Васька) или Бася (от Барсик), потому что подслеповатой старой женщине не всегда удавалось правильно определить начальный пол котёнка. Все становилось понятно только после того, когда у какого-нибудь Васьки вдруг рождались котята. Среди этой кошачьей братии попадались преинтересные экземпляры, как, например, жуликоватый кот Мурчик. Он никогда не входил в помещение просто так: к двери или окну он подбирался как бы со стороны, сначала просовывал в открытое пространство голову, повернутую набок, оценивал оперативную обстановку и только тогда входил в помещение, крадучись вдоль стены. Подобная манера передвижения выдавала в нем прирожденного охотника, – об этом могли свидетельствовать и многие соседи, у которых

нередко пропадали килограммы колбас и мяса, а в их маленьких кухонных окнах мелькал серый пушистый хвост. Одной из главных особенностей кота была его искренняя любовь к бабушкиной обуви. Почти каждый день, обувая свои доисторические калоши, старушка вскрикивала: «Мурчик!»! Ты опять наделал в единственные калоши!» - затем старушка долго кряхтела и шла мыть обувь.

Не менее прелестный характер был и у кошки Матильды. Она имела обыкновение, в свободное от вылизывания котят время, кататься на гардинах и занавесках, издавая дикие протяжные звуки и распевая заунывные песни, видимо, представляя себя дикой неукротимой пантерой, раскачивающейся на тропических лианах. Главой же всей этой разношерстной компании и любимцем женщин был огромный кот Пуфик, степенностью и твердостью походки, диким нравом и полосатым окрасом точь-в-точь похожий на уссурийского тигра в уменьшенном виде. Право гордого главенства над всей сворой он еще в юные годы отвоевал в кровопролитных схватках у ближайших мусорных баков.

Соседи довольно благодушно относились ко всей этой компании и, заметив на своем пути одну из кошек, нисколько не обращавшую на них внимания, они просто давали ей здоровенного пинка и нелицеприятно выражались о кошачьей матери.

Тем временем Вовик, после волнующей встречи с Ларисой, решительной поступью направился на работу, где должно было состояться одно важное производственное совещание.

В фирме «Сатурн» он работал всего полтора года. До этого, по окончании юридического факультета, был распределен на практику в городской районный суд в помощь одному из государственных адвокатов, очень милому старичку. Старичок всегда называл своих проворовавшихся клиентов ласково: «шалопаями», «сукиными детьми» или «балбесами» и редко к тому времени участвовал в заседаниях суда. В основном он занимался подготовкой документов по гражданским спорам. В его обязанности входило с приятной скромной улыбкой выманивать у тяжущихся сторон последние деньги, говоря им:

- Вы же понимаете, это не мне, - многозначительно устремляя указательный палец вверх.

А тяжущиеся простаки всё поддакивали:

- Да, да! Конечно, конечно! Мы никого не обидим, лишь бы выгорело дело!

Они и не подозревали, что это всего-навсего грабеж среди белого дня. И лишь потом, после судебного процесса, если кто-нибудь упоминал при этих несчастных о судебном учреждении, они уныло говорили:

- А, это там, где раздевают и разувают...

Почти полгода проработал Вовик с этим старичком - божьим одуванчиком, настоящим виртуозом своего дела, подтверждавшем расхожее мнение об адвокатах, как о наиболее честных, а главное искренних служителях фемиды.

Но годы берут своё. Старичок был заядлым охотником (каждую субботу или воскресенье он отправлялся в леса и поля),

и, однажды, он неожиданно достал из шифоньера любимое ружьё, но никуда не отправился, а выпустил своих волнистых попугайчиков из клетки и стал на них охотиться непосредственно в своей квартире. Его, понятное дело, пришлось госпитализировать с явными признаками резко начавшейся душевной болезни. Старичка, что называется, сократили, передав его обязанности другому конфиденциальному адвокату. Вместе с ним сократили и его помощника, как знавшего слишком много лишнего. Тем не менее, проработав в городском суде всего лишь полгода, Вовик набрался ярких впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

Например, он никак не мог решить одну на первый взгляд несложную математическую задачу. Один из судей приезжал на работу на джипе за сорок пять тысяч долларов. Его жена была домохозяйкой, дочь – студенткой одного из престижнейших высших учебных заведений страны; им приходилось тесниться в пятикомнатной квартире, стоимостью шестьдесят тысяч долларов, и всё это на оклад примерно равный тремстам долларам. Причём всего лишь два года назад судья ничего этого не имел. Эту задачу Вовик, как ни старался, так и не смог решить, но где-то глубоко в подсознании у него засела странная крамольная мысль, что количество денег, которые способен зарабатывать юрист, прямо противоположно количеству моральных принципов, которыми он готов поступиться. И Вовик, после непродолжительной внутренней борьбы, скоро был готов поступиться абсолютно любыми, а тем более моральными принципами.

Не скоро он смог забыть одну интересную историю, происшедшую вскоре после начала его недолгой практики. На удивление банальную историю и всем давно известную, повторяющуюся из века в век, из десятилетия в десятилетие, и нет полной гарантии, что не повторится подобная история уже в следующем году в каком-нибудь другом городе. Даже судебные чиновники были сильно взбудоражены делом о городском приюте.

Три года до этого неожиданные благородные побуждения членов городского совета привели к открытию в городе приюта для детей-сирот. Спонсорами, как и положено, стали коммерческие структуры, желавшие оградить себя от пристального ока налоговой инспекции. Три года около двух десятков различных фирм переводили на счёт приюта значительные денежные суммы. Кроме этого, к всевозможным праздникам, которых так много в нашем календаре, в приют посылались продукты и подарки. Однако с определенного времени фирмачи начали наблюдать странные и непонятные для них явления происходившие в приюте. Хотя в отчете заведующей приютом значилось, что каждый ребенок от двух до десяти лет, в сутки съедает около килограмма мяса, пол килограмма фруктов, неизмеримое количество овощей, каш, картофеля и специй, питомцы приюта оставались на удивление тощими, бледными и болезненными. Комиссия, созданная из знатоков детской физиологии, пришла к единодушному выводу, что ребенок никак

не может съесть больше, чем взрослый человек со зверским аппетитом. К таким выводам комиссию побудил и разительный контраст между подопечными и обслуживающим персоналом, - все поварихи и воспитательницы имели вызывающе цветущий вид и уходили домой с вызывающе большими сумками. Заведующая приютом три года назад вступала в должность, когда была еще стройной, застенчивой женщиной. Теперь же она едва протискивалась в дверные проемы повернувшись боком, и открывала двери ногами. Все это, как не странно, позволило заподозрить весь персонал в злоупотреблениях и хищениях. Кроме того, нескольких питомцев просто недосчитались. Как позже выяснилось, их буквально продали иностранцам.

Но у нас дело – просто дело, если это простое дело, а воры и преступники – просто воры и преступники, если это простые воры и преступники. И дело было бы совсем просто, если бы все работавшие в приюте не были взяты туда по знакомству и не имели ораву влиятельных родственников. Ведь если человек виноват, то он виноват, но если человек виноват, но член его семьи работает в белом доме или брат - член благотворительного фонда, то это уже совсем другое дело, и вина такого человека становится намного меньшей, если таковая вообще обнаруживается.

И если вы думаете, что подобное возможно было только в девятнадцатом веке, то вы глубоко ошибаетесь: подобное происходит в двадцать первом веке в нашей стране. И если бы не прокурор, прослезившийся во время посещения приюта, во всем были бы обвинены сами сироты, и им пришлось бы отвечать за свои действия.

Затем Вовик продолжил свою трудовую деятельность поступив юристом в торговую фирму, занимавшуюся торговлей всем, что плохо лежит, начиная от труб большого диаметра, украденных бережливым директором машиностроительного завода у своего родного предприятия, и заканчивая использованными гигиеническими прокладками. Фирма, называвшая себя гордо - «Сатурн», процветала. Президента фирмы, Владимира Васильевича Суценко, всегда можно было застать в его великолепном кабинете за обдумыванием новых сложных комбинаций. Мошенник он, надо признать, был большой, но ненавидел суматоху и лишнюю суету и, обычно, проявлял полную апатию ко всему происходящему на свете, так как считал, что лишь человек с небрежно–ленивым видом может выглядеть по-настоящему степенно и солидно, как и полагается президенту процветающей фирмы. Оживление в его действиях и даже некоторая резкость наступала только когда он слышал заветное слово - «деньги».

Подобная апатия, быть может, являлась остаточным последствием прежних жизненных невзгод, когда он был трижды женат, пережив, соответственно, три развода.

Владимир Васильевич от всей души жалел о тех славных временах, когда жил «Синяя борода» и имел возможность прерывать свои не сложившиеся браки, не выходя из родового замка. Все три жены оставили после себя светлую память и дорогие подарки.

От первой жены Владимир Васильевич получил лысину, от второй – неврит, от третьей – гастрит. И лишь став холостяком он быстро смог заработать действительно большие деньги. С содроганием вспоминал он о своей последней жене - писаной красавице, которая работала в косметическом салоне. Проболтав весь день с посетительницами салона, она приходила домой чрезвычайно разбитая и воинственно жаловалась: «Ты не знаешь, как мне тяжело живётся, бессердечное ты создание, как мне тоскливо и одиноко, и как я смертельно устала», - потом прижималась к нему своей острой грудью и просила называть её «киской», иначе она даст ему пощечину, а он вынужден был воротить от нее нос, спасаясь от цунами сильнодействующих духов и думал про себя, что она и старик Франкенштейн – два ангела и киски. А какой шикарный скандал она устроила ему однажды с удивлением и глубоким прискорбием обнаружив, что он не помыл её любимые сапоги. Такими же веселыми были воспоминания и о первой его жене – известной скрипачке. Днём она обучала игре на инструменте молодые таланты, старательно распиливавшие смычком всё на что были натянуты струны, а вечером она играла долгое пиццикато на его расстроенных нервах. После полных неудач, постигнутых в строительстве, как у нас говорится, гармоничной ячейки общества, он стал с опаской относиться к женщинам и его секретарь, Елена Федоровна, была прямой противоположность секретаршам его заместителей.

Елена Федоровна была старой девой неопределенного, хотя, возможно, и бальзаковского, вернее мезозойского возраста, с летяще-качающейся походкой тираннозавра из «Парка Юрского периода», которого она, пожалуй, видела еще когда тот резво бегал по доисторическим папоротниковым лесам. Она была жёсткой, твёрдой и целеустремлённой. Она работала двадцать четыре часа в сутки за символическое денежное вознаграждение, часто заменяемое моральным

удовлетворением. Без преувеличения можно было сказать, что если Владимир Васильевич являлся главным мозговым центром организации, то Елена Федоровна, в некотором смысле, была всем остальным. Она готова была делать всё - за всех, но в меру своих способностей, конечно. А как она набирала тексты договоров на компьютере! – одно загляденье, ни дать не взять пианистка за исполнением Баха: и глаза закрывала совсем также, и такое же неподражаемое величественное выражение лица и тонкая пластика рук. Но главным достоинством Елены Федоровны было отсутствие даже самых слабых признаков какого-либо отвлеченного мышления или хотя бы лёгкой тени фантазии - полная власть буквы и параграфа совершенно победила романтику в этой жёсткой натуре. Однажды, однако, её сердце было слегка тронуту одним молодящимся торговым агентом, но его притязания на внимание были не долгими: после второго непродолжительного свидания он испарился в неизвестном направлении как вода из раскаленного чайника, вовремя почувствовав, как тугая удавка стальной воли Елены Федоровны быстро смыкалась вокруг его тонкой шеи.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

Очнулся Михалыч в кромешной тьме от страшной всеобъемлющей боли в голове. Ощупав руками святилище разума, он пришел к утешительному для себя выводу, что оно всё ещё находится на своем прежнем месте. Михалычу понадобилось совсем немного времени, чтобы по сырости и собачьему холоду понять, что он лежит на полу в камере предварительного заключения, из которой их с Петровичем позавчера вытолкали взащей со словами: «Милости просим, всегда вам рады». Понемногу глаза Михалыча начали привыкать к черноте, и темнота со временем уступила место сумеркам, и многие предметы стало возможно различать. Комната представляла собой небольшое помещение, выкрашенное от пола до потолка зеленой краской, с белым низким потолком и бетонным полом. Сразу было видно, что комната не была предназначена для настоящих функций, камерой её делали только двух ярусные нары, стоявшие у одной из стен и зарешеченное окно, из которого открывался живописный вид на помойку. Рядом с собой, на полу, Михалыч обнаружил своего верного друга - Петровича. Тот сжался в клубок и дрожал самым последним образом, так что был слышен цокот его вставной челюсти, а нары, в которые тот упирался ногами, тряслись в лёгкой вибрации.

После нескольких часов вынужденного одиночества, наши герои получили возможность немного поразвлечься: свет в комнате неожиданно зажегся, за дверью с маленьким окошком обитой листовым железом послышался лязгающий звук. Дверь

открылась, и в комнату один за другим вошли три милиционера. Один из них выделялся на фоне двух других своим презрительным, властным взглядом и большими габаритами. Наши узники уже неоднократно имели возможность как нельзя ближе познакомиться с майором Семенихиным, начальником центрального городского отдела милиции, так как тот любил своё дело и непременно стремился лично побеседовать со всеми нарушителями правопорядка. Майор имел несколько развязную, возможно выработанную из-за частого общения с уголовниками, манеру поведения и общения, так что любые урки, не будь на нём формы, приняли бы его за своего.

- Встать! - заорал один из милиционеров. Петрович, ошарашенный громогласным зовом с небес, вскочил как ужаленный и вытянулся по стойке смирно. Михалыч сделал вид, что ничего не понял, и его подняли пинками, по поводу чего он сделал несколько нецензурных замечаний.

- Только не надо, не надо брызгать слюной, мальчик мой, - серьезно произнес майор, вплотную приблизившись к Михалычу, и в знак своего расположения нанес ему короткий, хорошо отработанный удар под ребра. Михалыч вопреки своему желанию выпучил глаза и стал хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. По-видимому, начальник отделения привык прибегать к необходимому насилию над личностью для получения должного воспитательного эффекта. Семенихин обратил взор к другу Михалыча:

- А ты, старый дебил, - обратился майор к Петровичу, безучастно наблюдавшему за происходящим, остекленевшим от похмелья взглядом, - опять молчишь, старая каналья, – и тут он нежно ударил Петровича под дых тоже с большим искусством. Петрович глухо засипел, а если бы мог, то, конечно, и закричал, но дыхание перехватило абсолютно полностью.

- Только недавно мы имели удовольствие с вами видеться, - майор почесал свой правый пухлый кулак, - так вы решили выкинуть еще одну штуку, и как раз в тот день, когда все прогрессивное население города встречалось с главой нашего, с позволения сказать, государства. Давно вы мне нервы, это... как его... треплите. Мы знакомы с вами уже д-а-в-н-о...- протяжно произнес он и нахмурил брови, скорей всего, вспоминая точное количество приводов дебоширов. – Я бы даже сказал дальше некуда... старые знакомые, – и он опять почесал правый кулак.

Тут он ребром ладони по-отечески двинул по спине Михалыча, который стоял, согнувшись в три погибели. Всё же, надо признать, намного приятнее получать тумачи от знакомого, нежели чем от незнакомого человека.

- Но последнее время, как я погляжу, ваши хилые организмы с помощью водки слишком приблизились к периоду полу..., как его там, - распада что ли. Так что принудительное лечение и общественные работы я вам гарантирую, дети мои. А если, не дай бог, будут бузить, - майор обратился уже к одному из подчинённых,- натравите собак. Это всё! - неожиданно резюмировал майор и направился к выходу из камеры. За ним последовали и остальные блюстители порядка.

Услышав о собаках, Михалыч невольно улыбнулся. Его суровое лицо борца за справедливость неожиданно просветлело. Как субмарина из глубины памяти всплыло яркое воспоминание, как один их случайный приятель, широко известный в узких кругах рассказчик, хвастался тем, что его пёс порвёт даже взбесившегося слона во спасение своего драгоценного хозяина; и что он настолько умен, что будит его по утрам и готовит ему чай. Тогда они втроём, не откладывая в долгий ящик радость встречи с чудом природы, решили воочию лицезреть редкий экземпляр собаки,

которого звали «Потрошитель», и который был таким умным и таким неукротимым. Когда трое мертвецки пьяных индивидуумов завалили во двор дома, где обитало чудовище, бедная собака, лишь увидев Михалыча, от моментально нахлынувших на нее дружеских чувств забыла о своем диком нраве и показала свой ум и сноровку, стрелой перелетев через забор дома вместе с будкой, к которой была привязана стальной цепью. Долго после этого по улицам бегало зловещее привидение, грохочущее будкой и воющее похуже собаки, ставшей проклятием рода Баскервильей.

Один из уходящих стражей порядка вспомнил о полагающейся в таких случаях процедуре:

- Ремни и шнурки я отбирать у вас не буду, но без фокусов, стариканы, самоубийство в камере предварительного заключения карается долгим лишением свободы, – милиционер залиvisto засмеялся и вышел. Дверь закрылась, затем было слышно, как задвигается засов, а немного погодя, в целях экономии, погасили свет.

Оставленные в одиночестве узники совести понемногу стали оправляться от воспитательной процедуры. Через некоторое время они уже сидели на нижних нарах, прижавшись друг к другу и молча, с кислыми ощетилившимися физиономиями, приготовились ждать лучших времен, о которых не имели никакого представления. А еще через некоторое время забрезжил рассвет и в маленькое окно камеры проник толстый луч утреннего

света, даря им возможность немного душевно отдохнуть. Одна из стен камеры была, вероятно, не такой толстой, как остальные, потому что было хорошо слышно всё, что за ней стало происходить. Оттуда неожиданно послышался монотонный бас:

- О чем ты говоришь, сын мой, ничего подобного, какое там аморальное поведение!?? - это настоятель местного Кирилло-Мефодиевского златоверхого собора на болоте, преподобный отец Сергей, давал пояснения по поводу недоразумения случившегося этой ночью. Милиционеры патрульно-постовой службы обратили внимание на сильно раскачивающийся «Мерседес», припаркованный в безлюдном месте. При ближайшем рассмотрении в машине был обнаружен преподобный отец с двумя несовершеннолетними девицами за приготовлениями к таинствам обряда крещения - на девицах из одежды были только серьги, оставалось лишь подъехать к подходящему водоему, чтобы окропить розовые тельца юных дев. Теперь в милиции отец Сергей заплетающимся языком не совсем связно пытался объяснить, почему все это происходило ночью, и почему на нём из церковного платья был только нательный крест, и почему юные неопытные создания называли его Серёгой. Преподобный сидел в том же виде, в котором его вытащили из машины, однако не было заметно, чтобы он испытывал сильный дискомфорт или пытался как-то себя прикрыть. Божья благодать играла в его теле после весомого причащения церковными винами, а на его голой груди красовалась наколка, выведенная большими церковно-славянскими буквами: «IN GOD WE TRUST». У прихожан преподобный отец давно пользовался заслуженным и непререкаемым авторитетом, прежде всего благодаря своей молодости и большой жизненной энергии. Он был первым за последние сорок лет батюшкой, который мог самостоятельно вставать из-за стола после трапезы. Предыдущие преподобные

отцы так усердно постились красной рыбой и икрой, что встречали пасху значительно отяжелев.

- Батюшка, - твёрдо настаивал милиционер, - ты правду говори, мы все люди, всё понимаем, будешь юлить, не побоюсь бога, пойдешь по 134-й статье – «действия с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста», до четырех лет, между прочим. - Это заставило святой сан немного призадуматься.

- Обычно я говорю правду, сын мой. Знаешь, сколько правды я сказал стольким людям, иногда даже совестно становится... – Батюшка подмигнул следователю правым глазом: мол, если сам всё расскажу, сам себя и засажу, знаем мы вас.

- Со мной господь, милый мой. Я крестил сына Константина Ивановича, знаешь кто он, я думаю. Он - очень верующий человек, такие пожертвования нашему приходскому банку доверяет, ... очень, очень большие, должен сказать. А ты, сын мой, - с надеждой обратился он к молодому милиционеру, - веришь ли ты в бога, отрок?

- Нет, я атеист.

- Ну и слава богу. Тогда поймешь грехи наши мирские, – облегченно произнёс отец Сергей.

На этом милиционер, после упоминания имени главы города пьяным батюшкой, предусмотрительно решил отложить первое дознание на время согласований и запросов. Потому что без этого иногда бывает просто опасно продолжать подобное расследование, но, чтобы соблюсти правила, всё же решил допросить двух малолетних рабынь божьих.

Милиция в городе была, так сказать, лишь отчасти строгая, и то, когда к ней попадали люди ничем больше не обремененные, кроме своих штанов. С остальными же начиналась бойкая торговля индульгенциями, и в пору было вешать на отделении

табличку «Коммерческое отделение милиции», а рядом - основной преysкурант.

Прослушав допрос, Петрович неумело перекрестился и что-то пробубнил себе под нос, а потом, борясь с бессонницей и холодом и пользуясь тем фактом, что начало рассветать, в углу камеры, где стояла параша, нашел измятую замасленную брошюру озаглавленную: «Инструкция по эксплуатации электробритвы «Харьков»», которой, видимо, намеревались воспользоваться именно так, как Петрович и привык; и принялся жадно её читать. Михалыч в это время начал отчаяно храпеть. Прочитав от начала до самого конца брошюру, Петрович отложил измятую книжку и глубокомысленно уставился мутным взглядом в потолок, как будто ожидая оттуда знамения или озарения. Но, по-видимому, остались отдельные непонятные моменты, и он опять внимательнейшим образом припал к увлекательной инструкции, вдаваясь во все тонкости сложной эксплуатации. Снова откинул он голову, долго обдумывая прочитанное. Затем опять просмотрел инструкцию и опять подумал. И так продолжалось очень долгое время, до тех пор, пока Петрович почти не выучил её наизусть, решив, наверное, молиться по ней. Как много всё же мысли в любом машинописном тексте!..

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

VIII

В то время, когда гигантские корпорации в непрекращающейся кровавой борьбе отвоевывают для себя всё новые сегменты рынка; когда воздвигаются иллюминированные стоэтажные небоскребы; когда офисы до отказа заполнены людьми, желающими заработать миллионы, но не знающими как, где и, главное, зачем; когда казино, виллы и спортивные машины полны красавцев в костюмах от кутюрье и женщин с точеными талиями в шикарных платьях; когда поп и рок-звезды купаются в бассейнах с виски и наполняют ванны героином; когда коварные компьютерные вирусы пробираются по сетям и пожирают программное обеспечение; когда мир сотрясает футбольная лихорадка и мужчины падают от инфарктов; когда водители грузовиков требуют сравнить цену бензина со стоимостью воды; когда террористы бродят то тут, то там, а ФБР по пятам; когда люди не могут ни спать, ни есть, а только работают, работают, работают... В это самое время в захолустном нашем городке забрезжил рассвет и бородатый дворник в старом полосатом халате, засучив рукава, рубил тупым топором расцветавшую молодую березу, растущую посреди двора и мешавшую уборке.

В тот день, в 9.45 по местному времени, в фирме «Сатурн» открылось важное совещание: от его исхода зависело не только благополучие всей фирмы, но и физическое здоровье некоторых её сотрудников. Все члены шайки собрались в кабинете Владимира Васильевича Сущенко, расположившись в креслах возле большого лакированного стола. Елена Фёдоровна принесла тарелку с пирожными и бутылку виски. Весь дух благородного собрания несколько напоминал известную картину «Совет в Филях». Кроме Сущенко, Вовика и Пети, на совещании присутствовал финансовый директор конторы по имени Александр или «Учила», как звали его за глаза, потому что он вечно был погружен в какие-то бумажки, покрытые цифрами, читая их, как увлекательный роман. Пётр стоял в центре композиции, опершись боком о стол. С его лица сошел обычный лоск, щёки слегка обвисли, а под правым глазом красовался крупный синяк в начальной багрово-синей стадии. Своим знакомым он объяснял это некрасивое посинение тем, что упал на ступеньках и очень неловко ударился головой, причём одна из ступенек, скорее всего, была левшой. Только Сущенко и остальные члены мощной торговой организации знали об истинной причине подбитого глаза.

Год назад «Сатурн» продал одной такой же честной коммерческой конторе собранные на автомобильных свалках всей Европы микроавтобусы. По документам они были почти новые. В действительности новыми на них были лишь детали, несущие регистрационные номера. Через некоторое время для

доверчивых покупателей всё стало более чем понятно. Они резонно не стали дожидаться пока машины полностью исчерпают весь свой физический ресурс и будут разваливаться на ходу, а через Петю предъявили однозначный ультиматум: «Или отдайте нам наши деньги обратно, или в городском морге на нескольких временных жильцов станет больше». Надо сказать, что городок был, в общем-то, тихий, лишь изредка по ночам постреливали городские бандиты и некоторые мафиози имели неслыханную наглость умереть. Отечественные фирмы тоже не отличались особой щепетильностью в вопросах как добывания, так и выбивания денег. У каждой мало-мальски уважающей себя торговой организации в подсобке хранилось два-три «Калашникова» с ящиком патронов и десяток мощных гранат на случай, если понадобится помощь в косметическом ремонте какого-нибудь здания.

Владимир Васильевич, как предводитель тайного торгового общества, чинно восседал во главе стола. Он был погружён в себя, не решаясь открыть благородное собрание, и всё еще обдумывая, как получше обмануть партнёров и не навредить своему здоровью. Но как не хитри, а здоровье для таких людей, как Суценко было превыше всего, и если в теле делают глубокие или сквозные отверстия, то их не всегда можно излечить простыми примочками. Примером тому могла служить горькая судьба одного из бывших директоров «Сатурна».

Однажды, одной наивной городской торговой фирме, занимавшейся сбытом просроченных консервов, «Сатурн» очень крупно задолжал. Когда же наступило неприятное время отдавать долг, у всех директоров «Сатурна» стали появляться веские причины, чтобы не появляться на работе. «Несчастливым» кредиторам всё же удалось, прибегнув к невероятным ухищрениям, изловить одного из директоров «Сатурна», непосредственно занимавшегося сделкой, но на все вопросы о деньгах он упрямо твердил:

- Что вы, ребята, у меня нет никаких денег! – И это, как не странно, была святая правда: все его деньги на тот момент были вложены в акции и ценные бумаги. После более настойчивых расспросов с применением паяльника, он, со слезами на глазах, как ребёнок, признался, что деньги, предназначенные для расчета, необъяснимым образом пропали (деньги всегда имеют свойство исчезать таинственно и непонятно). В роли факира, как рассказал директор, выступил бывший финансовый директор «Сатурна», большой специалист по коллекционированию купюр различного достоинства во всех валютах стран земного шара, и, если деньги каким-либо образом попадали к нему в руки, они исчезали безвозвратно, и никаким образом их невозможно было получить обратно. Это был настоящий деловой человек, то есть человек готовый ради денег на всё, а работать под статьей «мошенничество» было его любимым времяпрепровождением. Директор был подвергнут быстрой, но жестокой экзекуции и стал, как не тяжело это говорить, несколько, так сказать, неживой. Самому Суценко тогда только каким-то чудом удалось спасти

свою шкуру. А фирма "Сатурн" магическим образом смогла остаться на плаву.

Наконец Сущенко, отвлекшись от мрачных дум, произнес:

- Господа, как мне недавно сообщил наш многоуважаемый Пётр, - надо сказать, что Владимир Васильевич всегда стремился говорить крайне вежливо и обращался ко всем сослуживцам на Вы, - другое дело, что зачастую этого не получалось, и он срывался на крик и отборный мат, - но само по себе похвальное стремление, конечно, радовало людей, с которыми он общался, – так вот, как сказал Пётр, наши бывшие подель..., гм..., клиенты хотят получить от нас сатисфакцию.

- Да, да, требуют, – со слезными нотками в голосе произнёс несчастный Петя. - Требовали, между прочим, двое громил, причем совсем бесцеремонно ногами в живот, суки, пардон, я извиняюсь за выражение! Забрали у меня, сволочи, новый ноутбук! Вы можете себе представить в какое положение я был поставлен, ведь в это время я был на свидании с тел... с девушкой в общем. В каком, можно сказать, свете я был представлен..., поставлен и всё такое. - Вовик мысленно принес соболезнования Пете и Ларисиной подруге. Петино полное поражение делало пикантным ещё и то, что как раз перед нападением верзил Петя очень красочно рассказывал Наташе, как он служил в армии в сверхсекретном спецназе «Морские свинки» и перебивал ребром ладони целую плитку шоколада.

- Однако, как я помню, это была Ваша идея купить эти машины у наших в то время хороших знакомых, а, Александр? - Владимир Васильевич серьезно посмотрел в сторону молодого человека в толстых очках, который, несмотря на не совсем юношеский возраст, напоминал своим растерянным видом и гнусавым голосом сопливого школьника. – Пётр, а вы как раз вели переговоры. Я ещё тогда глубоко в душе был против этой сделки, но поддался вашим уверениям о простоте и надежности операции. Теперь мы все будем очень долгое время расхлебывать последствия ваших трудов, - голос Владимира Васильевича стал плавно переходить в истерический, - и теперь нам потребуется, напрячь ваши куриные мозги, сволочи, чтобы в короткий срок возместить убытки новой высокодоходной операцией. – Сущенко с силой стукнул по столу кулаком. Хрустальный графин, стоявший на столе, мелко задрожал. Надо сказать, что Владимир Васильевич никогда ни в чём не был виноват, не то положение, сами понимаете. Пётр потупил взгляд, притворившись пристыженным. Он вспомнил, что часть денег от сделки он незатейливым образом оставил для личного пользования.

- К счастью у меня есть один хороший вариант, – продолжил Сущенко. - Наши иностранные друзья предложили нам создать вместе с ними конфиденциальный банк для обслуживания личных потребностей определенного круга клиентских фирм, – голос Владимира Васильевича опять вошёл в спокойную колею, - и организацию этого коммерческого учреждения возлагают на нашу авторитетную фирму. - Сущенко гневно взглянул на Петра, как на ходячий урон авторитету конторы.

«Статья 172 - «Незаконная банковская деятельность» - наказывается лишением свободы от трех до семи лет с конфискацией имущества или без таковой», - подумал Вовик. «Предыдущая наша деятельность, мысленно обратился он к Сущенко, была мене рискованна. Статьи 170, 185 или, скажем, 292

намного привлекательней для уважающих себя бизнесменов» - отметил для себя Вовик. По виду Вовика сразу стало понятно, что в тюрьму ни под каким соусом, он идти не хотел.

- Вы работаете у меня, уважаемый Владимир, для того, чтобы помогать решать нам все юридические проблемы, – Сущенко, как всегда, прочитал мысли Вовика, чем и ранее неоднократно удивлял его. Вовик не догадывался, что имел настолько выразительную физиономию, что на ней безошибочно можно было прочесть все его немногочисленные мысли. Сущенко опять закипел и решил вдохновить подчиненных:

- И мы работаем не покладая рук, для того чтобы жить достойно и, конечно, никакой риск не сможет нас остановить! – Но окинув взглядом коллектив, Владимир Васильевич, однако, понял, что почти все из собравшихся питомцев были не против нарушения закона, но желательно чужими руками и желательно подальше от того неприятного места, где всё это происходит. Молодые люди, заработав определенное количество денег, со временем очень осторожно относятся к возможности подольше побыть на свободе.

- Могу вас успокоить, мои дорогие друзья, наши коммерческие операции пройдут гладко и ровно, не привлекая внимания посторонних лиц, а тем более органов, положитесь на меня и на наши с вами неограниченные возможности и знакомства. Кроме этого, Пётр, Вам, как специалисту высочайшей квалификации предстоит освоить технологию производства ценных бумаг.

«Статья 186, на срок от восьми до пятнадцати с конфискацией», - автоматически подумал Вовик.

- А за автомобили, всё-таки, нам придется вернуть деньги, – сообщил Сущенко. Пётр сразу же подумал, что это относится к нему, - ему придётся всё выплатить из своего кармана, и даже

момента́льно успе́л придумать, как он сбежит из города. Но Сущенко, как мудрый руководитель, не питал иллюзий насчет Петиной щедрости и решил выплатить долг за счёт фирмы, как не омерзительно ему это было. На этой оптимистической ноте председатель собрания решил закончить совещание, чтобы дать подчиненным некоторое время обдумать то, что он им сообщил, и решить каждому для себя насколько он любит деньги, чтобы рисковать ради них своим свободным временем...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

IX

Вечером того же дня, чтобы немного отвлечься от суровых коммерческих будней, Вовик и Пётр приняли участие в грандиозном событии, случившемся в городе и оставившем неизгладимый след в памяти нескольких поколений его жителей. Событие до сих пор хорошо известно и часто вспоминается в прессе как «Великое футбольное побоище».

Местная футбольная команда звёзд, которые ещё вчера гоняли мяч по подворотням, и которая занимала на тот момент первую строчку с конца турнирной таблицы третьего футбольного дивизиона, встречалась с командой звёзд соседнего города,

занимавшей предпоследнее место в турнире. Пётр, большой почитатель футбола, с трудом, за три дня до матча, приобрел два билета на спортивное мероприятие. По всему городу, в самых неподходящих для этого местах: на лобовых стеклах троллейбусов, дорожных знаках, детских колясках – были развешаны афиши, сообщающие о предстоящей битве гигантов: «Спартак» против «Звезды». На некоторых плакатах провидцы нетвёрдым от переполнявшего их веселья почерком вывели 15:0 в пользу родного «Спартака». Под «Звездой» на некоторых объявлениях было написано «калеки», как между собой городские болельщики называли футболистов «Звезды», считая, что их местных футболистов излечили нескончаемые попойки. Все болельщики, включая женщин, стариков и грудных младенцев, жаждали реванша за недавний обидный проигрыш своих любимцев на поле «Звезды» со счетом 9:6.

С самого раннего утра по городу стали разъезжать машины, заполненные нетрезвыми болельщиками, попеременно высовывавшимися из окон автомобилей, размахивавшими флагами и горланившими песни, имевшие к футболу отдаленное отношение. Большинство трудоспособного населения в тот день не пошло на работу, что было с пониманием встречено их начальством, и в этот день всё неможное городское производство окончательно встало. К вечеру любители футбола, заправившись энтузиазмом в близлежащих забегаловках, стали стекаться разноцветной говорливой толпой к стадиону, напоминавшему древний «Колизей», но больше по своему техническому состоянию, чем по форме. В народе его любя называли «Корытом». К семи часам вечера стадион был забит до отказа и грозил развалиться от любого лишнего движения кого-нибудь из болельщиков. Не сумевшие вместиться поклонники футбола расположились на окрестных холмах и деревьях. Толпы подвыпивших юнцов обследовали каждый сантиметр вокруг

стадиона в поисках болельщиков «Звезды», но те были не настолько глупы, чтобы приехать в чужой город, а запас свободных больничных коек в городской больнице был не настолько велик, чтобы принять их с полагающимся в таких случаях гостеприимством. О том, чтобы сидеть на скамейках стадиона, не могло быть и речи; настоящий фанат ни в коем случае не может себе позволить такой роскоши. Болельщики стояли на них с поднятыми вверх руками, занятыми бутылками и банками, тесно, по-братски прижавшись друг к другу. Как волна цунами по стадиону проносился оглушительный рев, то накрывая стадион и окрестности, то отхлынув и стихнув, пока в легкие набирался необходимый запас воздуха, а глотки смачивались живительной влагой. Затем руки вновь и вновь вздымались в небо, как в языческих ритуалах жертвоприношения. Иногда посреди недолгого затишья слышались истошные крики, постепенно сливавшиеся в скандирование; звуки всевозможных пицалок, кричалок и вопилок, создавали всеобщую искусную мелодию какофонии. Когда на поле под оглушительный свист и рев трибун вышли команды, то стало ясно, что различать игроков одной команды от другой будет не просто. На игроках обеих команд были футболки и трусы почти одного цвета, лишь с разными оттенками. Причём на некоторых мастерах кожаного мяча форма висела, как большая наволочка на маленькой подушке, - форма была на два, а то и три размера больше положенного. Оставалось только надеяться, что сами игроки хорошо знают членов своей команды в лицо; требовать того же от публики было, пожалуй, слишком.

Игроки выстроились в центральном круге (где был этот круг им, по-видимому, подсказал инстинкт), поприветствовали друг друга, что со стороны звучало как «гав-гав, гав-гав», и разбрелись по полю, пользуясь представившейся возможностью размяться (в раздевалке большинство из них только и делали что нервно

курили). Судья, отличавшийся от футболистов лишь своим преклонным возрастом, дал свисток, и мяч стал вяло двигаться по полю. Однако, обнаружилось, что поднятый в воздух, он, приземляясь, с чудовищной силой отскакивал от поля, по твердости не уступавшему асфальтовой дороге. Зрители, по началу, совершенно не понимали, где ворота их команды, - это стало ясно только после того, как один из игроков от души приложился к мячу, и никто, включая вратаря, хотя мяч летел почти от центра поля, не смог его остановить. Мяч затрепетал в сетке ворот. Весь стадион возликовал, зрители стали обниматься и поздравлять друг друга с почином. Но тут механик городской станции техобслуживания проявил не дюжие умственные способности, и не жалея своего охрипшего горла заорал: «Это же нам забили, мать твою!» Информация к размышлению мгновенно разнеслась по зрительским массам. Трибуны на некоторое время притихли, но вскоре снова ожили, и на поле вместе с нецензурной трехэтажной бранью полетели ненужные зрителям предметы, среди которых была даже длинная алюминиевая лестница. Футболисты «Спартака», сожалея о случившемся, не сулившем им ничего хорошего, потупили в землю свои унылые физиономии и разыграли мяч в центре поля. Игра после первого забитого гола пошла на редкость открытая. Игроки обеих команд стали развивать невиданные скорости, пытались найти на поле мяч, и в то же время увернуться от бутылок и банок летевших с трибун, и ног соперников, нацеленных в самые уязвимые места нижней части туловища. Каждый хотел, во что бы то ни стало, попасть по мячу, но целился, почему-то, по ногам игроков противоположной команды, видимо искренне веря, что это протезы. Футболисты стали, что называется «косить» друг друга. Настало время судье вмешаться в ход поединка и показать несколько «горчичников», за что он получил с трибун свою долю критики тяжелым предметом по голове. Тут он понял, почему так ехидно улыбался

представитель футбольной федерации, провожая его одного на этот матч, - сам представитель не смог поехать на матч вследствие тяжелой продолжительной болезни мочки уха, – и пожимал ему на прощание руку, как жмут руку улетающему камикадзе. Боковые судьи третьему дивизиону полагались, но все они вышли из строя во время последних матчей чемпионата.

Итак, после решительной критики с трибун, судья забыл о желтых карточках и предоставил командам самим разбираться между собой, прикасаясь к свистку, только когда мяч оказывался в воротах, и скрупулёзно ведя подсчет забитым голам. Однако, и это не удовлетворило болельщиков, и после того, как в него попал предмет по форме и весу напоминавший электрическую печку, а трибуны стали безапелляционно советовать ему засунуть свисток в некоторое интимное место, судья вообще престал наблюдать за ходом игры и всё больше пытался затеряться среди игроков. К тридцатой минуте первого тайма, по его подсчетам, счет был 4:3 в пользу «Спартака». При такой, можно сказать, открытой и более чем откровенной игре счёт грозил сильно увеличиться. Половина игроков обеих команд были с явными признаками прихрамывания, остальная половина футболистов с опаской относились к движущемуся самым предательским образом мячу и не проявляли видимого желания до него дотронуться. Главной проблемой для игроков было, как этот самый мяч остановить. Кожаный шар проявлял завидную прыгучесть, с легкостью теннисного шарика отскакивая от твердой поверхности и скача по полю как каучуковая бомба. Любой футболист, которому удавалось его остановить, желал тут же от него избавиться, уловив на себе мрачные взгляды соперников, не предвещавших ничего хорошего, как взгляды средневековых инквизиторов. А после любого удара в сторону ворот, мяч либо выходил в аут, либо, если попадал в створ ворот, оказывался в сетке позади голкипера.

Зрителям такая игра, больше напоминая схватку команд кик-боксеров, несомненно, нравилась. По душе им был и победный для их любимцев счет. Они взирали на поле с восторгом древних римлян, наблюдающих за смертельной схваткой ожесточенных гладиаторов.

Но тут, на сороковой минуте первого тайма, воспользовавшись тем, что большая часть игроков «Спартака» лежали на поле и корчились от боли, форвард «Звезды», показав по-настоящему бразильскую технику, сумел обработать мяч, дошел пешком до штрафной площадки соперника и уже собирался в неё войти, и, надо сказать, вошёл бы, если бы не отчаянный бросок вратаря хозяев поля, обработавшего его самого, кинувшись на нападающего с вытянутыми вперёд ногами. Не будь пострадавший настоящим футболистом, он скончался бы на месте от такого невероятного удара в грудь двумя ногами, одетыми в шиповки. Этот же всего лишь лежал на поле и не двигался. В этот раз судья показал отчаянное мужество - о чем его не просили жена и дети - и назначил пенальти. Пока пострадавшего уносили, взяв за руки и ноги с поля, другой игрок «Звезды», несмотря на все препятствия, чинимые ему соперниками, собирался всё-таки установить мяч на одиннадцатиметровой отметке, обозначенной неглубокой ямой. Игроки «Спартака» с воинственным видом собрались вокруг отчаянного в своей храбрости судьи и принялись настойчиво убеждать его, гневно размахивая руками и ногами, что «ничего не было». Затем к спору подтянулись игроки «Звезды». Начавшаяся словесная перепалка между игроками, которые слишком откровенно говорили, что они думают об отдельных членах противоположной команды, постепенно стала перерастать в бокс на траве. Сначала футболисты толкали соперников руками в грудь, потом перешли к кулакам, а затем, поняв, что стеснительность излишня, стали лупить коллег чем попадет, особенно, конечно,

хорошо работали ногами и головой. «Бей Калек!» - слышался страшный боевой клич на трибунах, и народ, желая внести свою посильную лепту в разгоравшийся конфликт, высыпал на ринг, то есть на поле. Несколько стражей порядка, оказавшись по службе на стадионе, никак не смогли помешать этому безобразию, и сами побежали на поле, закатывая на ходу рукава. Теперь игрокам предстояло проявить истинное умение быстро бегать. Фаны, как искусные тореадоры, начали загонять выбранного игрока, которого считали чужим, и били, не жалея обуви. Вокруг игроков быстро образовывались «живые» кучи; слышались звуки ударов и приглушенные стоны из середины копошащегося образования из человеческих тел. Из глубины одной из куч слышались истерические вопли: «Что вы делаете, я же свой, я из «Спартака!»», «Не ври, грязная рожа, - без всякой учтивости отвечал ему хор голосов, - мы видели, как ты бил по нашим воротам». «Я случайно», - из последних сил кричал подвергавшийся экзекуции. На его счастье он был узан одним из болельщиков и был отпущен в раздевалку. Однако ему не удалось туда пробраться - его изловила другая не менее жестокая группа болельщиков и принялась его дубасить с еще большей яростью. В конце спортивной драмы любители футбола окончательно оставили попытки разобрать кто – свой, кто – чужой и подвергали неприкрытому насилию всех, кто был в трусах. Вокруг судьи собралось особенно много народу: каждому хотелось высказать свое личное мнение об его судействе.

Через час в сумерках, освещенный яркими прожекторами стадион, представлял собой поле после битвы или буйного разгула, усеянное бутсами, футболками и грязным нижним бельем. Веселые и довольные болельщики мелкими и крупными группами расползались по городу, попутно запуская пустые бутылки в витрины, переворачивая стоящие у обочин машины и поджигая мусорные баки. Девять ярко раскрашенных карет скорой помощи, включив sireны, промчались мимо, направляясь в травматологическое отделение городской больницы...

Х

Прошло несколько дней, было воскресенье. Лариса, чтобы упрочить наметившуюся любовную связь, решила вытащить себя и Вовика на природу. Идея пришла ей в голову из-за установившейся в городе атмосферы убийственной скуки, а также из-за тяжелого недуга пересыпания, быстро развивавшегося на фоне прогрессирующего переедания. Окинув беглым, но пристальным взглядом все развлечения прошлого, она пришла к неутешительному выводу, что почти все извращенные формы досуга, известные ей, и те, которые рисовала ей её небогатая фантазия, она испробовала, прошла и с честью выдержала. Единственным местом, где она не оставила свой след - была девственная природа, находящаяся где-то за городом. Провинция, надо сказать, никогда не манила Ларису. Она считала ее отсталой из-за обилия лесов и недостатка баров и ресторанов, - а какой современный человек может полноценно существовать и гармонично развиваться без этих достижений цивилизации. Хотя

по городу часто бродили зашедшие с окраин коровы и овцы, но считать на основании этого свой город далеким от развития Лариса ни в коем случае не могла. Город не мог не являться центром вселенной уже хотя бы потому, что там жила Лариса.

Одна знакомая когда-то настоятельно советовала Ларисе ездить на природу, как можно подальше от городских кварталов, присовокупив к совету несколько картинок из французского журнала, на которых были запечатлены счастливые пары на прогулке в окрестностях Лиона. Уезжать подальше от города знакомая посоветовала Ларисе на электричке, как на самом весёлом из всех видов транспорта. Почему он был весёлым знакомая не объяснила. Железнодорожный пригородный транспорт был для Ларисы, также, как и для Вовика в диковинку, и поездка сама по себе должна была стать развлечение. Но они даже не могли себе представить до какой степени бывает интересна заурядная поездка на обычной отечественной электричке.

В воскресенье Вовик, как настоящий юрист, пунктуально зашел за Ларисой точно в назначенный утренний час. Лариса, как всегда пунктуально проспала, и не прошло после прихода Вовика и четырех часов, как она была почти полностью готова отправиться в загородную прогулку. Большую часть приготовлений Лариса потратила на внесение всевозможных мелких, крупных, а иногда и совершенно кардинальных изменений в свой выездной наряд. Сначала она решила ехать в вечернем платье (мало ли кого придется увидеть в дороге), но, повертевшись двадцать минут перед зеркалом, модница пришла к выводу, что длинный шлейф, пожалуй, будет цепляться за пеньки. Следующий наряд состоял из джинсового костюма с короткой юбкой, выменянного у Наташи на розовый французский бюстгальтер. На плечи в качестве воротника Лариса накинула шкуру неизвестного животного. Судя по облезлости шелковистого

меха, животное было зверски замучено какими-то дикарями. Тем не менее, мех, как было видно, не утратил своего привлекательного вкуса и был местами обглодан молью. Лариса уже собралась остановиться на этом своём «прикиде», однако, когда она показалась перед Вовиком, он, краснея и волнуясь, спросил ее, почему она решила отправиться в поездку без юбки.

- Вова, ей богу, ты чё, слепой, или не способен увидеть последние веяния современной молодежной моды. Это – мини, чем меньше, тем - лучше. Однако, - произнесла она, немного пораскинув умом, - погода, блин, пожалуй, холодновата, можно кое-что застудить.

Придя к этому неприятному заключению, Лариса, следуя позывам своего утонченного вкуса, решила одеть вместо юбки джинсовые брюки, специально превращенные в ветхую тряпку для большего соответствия изменчивой современной моде. На следующее переодевание ушло немногим менее часа. Вовик не стал терять времени даром, ожидая, когда подруга оденется, и решил приступить к воспитанию Ларисиногo потомства. Он дал каждому ребенку по жевательной резинке, сомнительного качества и вкуса, и они сразу же принялись отчаянно жевать, не жалея молочных зубов. Жвачка оказалась тугой, как автомобильная крышка, и процесс жевания грозил растянуться не на один день. Потом Вовик посадил самого маленького – Валеру себе на правое колено и, к искренней радости малыша, создал подобие беговой лошади, скачущей во весь опор с раскалённой шпорой в боку. Валера от такой скачки сначала радостно кричал во всё горло, а затем начал прерывисто мычать, временами подавая весьма определенные признаки начинающейся морской болезни. Наконец Ларисиным приготовлениям наступил конец: она была одета по самой последней моде, со всеми новыми веяниями, но несмотря на это предельно удобно и легко.

- Вова, возьми поклажу, - Лариса махнула рукой в угол комнаты, где стояли две огромные сумки. Вовик, к сожалению, не знал, что когда Лариса собирается куда-либо выехать, то берёт с собой почти все вещи, находящиеся в квартире, включая посуду, и долго думает над тем не взять ли с собой и мебель.

Перед уходом Лариса позвонила в дверь соседке Ире, которую предварительно предупредила о готовящейся поездке. На этот раз Ира не пустила «головорезов» в свою квартиру, не желая лишней раз травмировать жилище, а отправилась к Ларисе сама. К тому же ей была приятна мысль, что можно прокурить не только свою квартиру, но и квартиру подруги, а вечером не видеть поднадоевшего своей положительностью мужа и спокойно посидеть в обнимку с бутылкой. Михалыч был в это время в командировке на исправительных работах. Ира, следуя примеру Ларисы, решила оставить тщетные попытки борьбы с детьми и была готова позволить им свободно заниматься своими важными делами, лишь бы они не просили есть или пить, или, не дай бог, не начали играть с «тётей Ирой». Но после полученной жвачки, рты ребёнок, как и их устремления, были надолго заняты, хотя ряды детских неокрепших зубов могли значительно поредеть.

Вовик остановил попутную машину, чтобы добраться до железнодорожного вокзала, (об автобусах Лариса имела весьма смутное представление, как о вымирающем классе технических средств передвижения). Тем более, что от её места жительства к железнодорожному вокзалу существовал лишь один автобусный маршрут, по которому ходил, вернее, бродил, один единственный автобус-отшельник, появлявшийся непредсказуемо редко и получивший за это прозвище «Летучий голландец»; и если вам удавалось хоть раз в жизни на нём проехать, то вы могли считать, что прожили не зря. Через несколько минут Лариса и Вовик, оказались на городском железнодорожном вокзале. На перроне, куда согласно расписанию должна была притащиться

сверхскоростная электричка постройки прошлого века, собралось порядочное количество народу: бабульки с безразмерной поклажей; сезонные рабочие, возвращающиеся на места временной работы после побывки дома; коммивояжеры, едущие всучивать по деревням открытки тяжелого эротического содержания, неся светлое в народ; много было бомжей, ждущих своего любимого передвижного дома; а так же дачники держащие в руках орудия труда с не зачехленными острыми режущими частями. Так же было очень много студентов, возвращавшихся после весенней сессии к родителям. Через четверть часа раздался протяжный гудок подъезжающей электрички. Бабульки на перроне насторожились и приняли позы, полагающиеся при подготовке к решительному отчаянному броску. Увидев эти приготовления, Вовик понял, почему обычно говорят «залезть в вагон». Для этого требуется умение не только безошибочно выбрать место атаки, но и способность проявлять крайнюю осмотрительность при процессе «залезания». У них с Ларисой подобного опыта не было, и поэтому они были почти затоптаны бабульками, в которых, как во временно спящих вулканах, проснулась адская сила. Стоявшая за ними очень пожилая низенькая дама с двумя полными мешками с картошкой, по величине вдвое больше ее самой, так надавила на молодую пару, что Лариса пробкой отлетела в сторону даже не успев высказать, что она об этом думает. Лариса закричала, но это была не ругань, а крик о помощи. Вовик, однако, был бессилен ей помочь, потому что попал под тяжёлый каток, под названием «другая бабулька», действовавшей на подобии раненого терминатора: сначала она двинула Вовика локтем в висок, а потом, добавив коленом в спину, опрокинула его себе под ноги. «Бабушка,- застонал крепкого телосложения парень, тем не менее еле удерживавшийся на ногах, когда старая женщина мощно надавила на него грудью,- куда вы так торопитесь, ведь у вас

вперед и вечность». – Эти слова были не лишены резона. До вечности бабушке, судя по виду, оставалось не так уж много, но судя по её энергии, она была готова держаться до страшного суда. В конце концов Вовика и Ларису общими стараниями толпы дружно внесли в вагон.

Оказалось, что мест хватает абсолютно всем, и не было нужды так кровожадно «залазить», - всё-таки сказала многолетняя выучка и закалка старшего поколения. Лариса и Вовик с трудом оправились от первого потрясения, нашли друг друга, затем нашли для себя свободные места, и несколько минут пытались отдышаться, предвкушая необычайно интересную поездку чрезвычайно многообещающе начавшуюся. Действительности не было суждено обмануть их ожидания.

Как только поезд тронулся, в вагон ввалились два молодых человека: один с гитарой, выдавшей вида, второй - с огромным дырявым барабаном. После краткого представления неизвестного музыкального произведения неизвестного автора, ребята решили вступить в соавторство с автором, причём в извращенном виде, начав горланить надорванными голосами о мальчике, которому отрезало ноги мясорезкой колбасного цеха, но он, после того как часть себя отдал людям, не пал духом, сумел жениться и стать богатым. От ударов в барабан у пассажиров, сидевших в первых рядах концертного зала, плотно заложило уши. Судя по тягучей мелодии, представление грозило затянуться. «Маэстро, проходите в другие вагоны, не одним же нам вкушать прелести вашего искусства!» - не выдержал один из ценителей прекрасного. Но студенты с задних рядов весело закричали: «Бис! Bravo! Давай ещё! Клёвая мелодия!» Не прекращая играть, музыканты медленно стали продвигаться вглубь вагона, - им хотелось, чтобы уши слушателей были заложены равномерно. К нижней части барабана был привязан грязный полиэтиленовый пакет для сбора денег и барабанщик умудрялся поворачивать его вместе с

барабаном то к левым, то к правым рядам, заставляя корчиться от звука попеременно, то тех, то других. Наконец два дьявола от музыки прошли сквозь весь вагон и направились в следующий. После завершения музыкального сопровождения Вовик получил возможность оглядеться по сторонам и собраться с мыслями. Тут он заметил на одной из верхних полок предмет, обитый красной материей, и по началу не поверил своим глазам, однако получше присмотревшись, он понял, что ошибки быть не может – это был гроб, который преспокойно лежал на верхней полке, и никто не проявлял какого-либо беспокойства по этому поводу, как будто, это было обычным делом - возить гробы в электричках. Наверное, возились и более интересные предметы, если этот не вызывал удивления.

В середине вагона четверо мужчин, по-видимому, сезонные рабочие, начали распаковывать сумки и пакеты доставая оттуда продукты. Один из них вытащил из черной сумки белую скатерть и со знанием дела опытной рукой расстелил ее на сиденье. Другой вынул из сумки бутылку водки и очень быстро, автоматическим движением, ее открыл. Тут же были налиты четыре полных стакана и моментально осушены. Началась веселая беседа на повышенных тонах.

Тем временем одной из бабулек стало дурно от перенесённого тяжелого марш-броска. Другая бабулька, наверное, подруга, подбежала к селектору, нажала на кнопку вызова машиниста и стала кричать: «Помогите, помирают!». Ей пообещали, что через несколько минут в вагон придет врач. Это событие стало поводом для студентов-острословов немного поразмяться. Из тамбура, где собралась вся студенческая молодежь, накурив там до степени зависания топора, раздались крики: «Бабушку затоптали! Давайте её сюда! Бабушку на вынос!» - и так далее. Лишь немногие молодые люди остались на своих местах, не поддавшись дурному влиянию. Например, один

молодой человек, по виду чрезвычайно интеллигентный и серьёзный, похвально тихо сидел на своём месте и старательно вырезал на стене вагона название любимой рок группы. После завершения интересной процедуры ковыряния, он вытащил свой новенький мобильный телефон и всю остальную дорогу нежно его гладил и любовался его красотой, всё приговаривая про себя: «Так вот ты какой, мобильный телефон!» А рядом с ним милая парочка юных созданий застыла в непрекращающемся поцелуе, и не собиралась оставить это увлекательное занятие даже если поезд сойдет с рельс.

Затем в вагон по одному стали входить торговцы всевозможными товарами, начиная от куриных и свиных окороков и заканчивая деталями оборудования военных заводов. Натренированными зычными голосами они требовали купить у них черенки для лопат, носки, сеялки, зонты, машинки для снятия катышей с одежды, посуду, спички и корм для рыб.

Потом в вагон вошел хмурый субъект с поношенным, но хорошо выбритым лицом, нёшем на себе печать разочарования в людской справедливости, как рыцарь, лишенный наследства. В торжественной тишине, торжественным от обиды голосом он сообщил, что недавно похоронил жену и остался с десятью малолетними детьми на руках. Многие пассажиры стали совать ему мелкие купюры и разменную монету. Конечно, сострадание в подобных случаях более чем уместно, если не знать, что в предыдущем вагоне субъект с не меньшим отчаянием поведал, что недавно похоронил отца, мать, пятерых сестер и двух братьев.

Затем в вагон неожиданно ворвался разъяренный мужчина в помятой униформе и сходу заорал, зверски озираясь по сторонам: «Билеты к досмотру!». «Контролер!» - вскрикнула какая-то чахлая бабулька и упала в глубокий обморок, при этом очень удобно расположившись на сиденье. Повальное отсутствие билетов

приводило контролера в неопишное бешенство, делая его похожим на озверевшую овчарку при исполнении. Правда, когда ему совали любую сумму денег, он быстро брал деньги и менял объект допроса, переходя к новой жертве. Несмотря на общий страх, нагнанный грозным видом контролера, нашелся смельчак, безбилетник, не побоявшийся ввязаться в открытую, опасную схватку с диким контролером. Под одобрителные возгласы остальных пассажиров он одержал доблестную победу, и контролер, держась за нос, быстрым шагом пошел вызывать милицию. Как известно с милицией всё становится намного веселей. Заполнил образовавшуюся паузу бож, развалившийся на одном из сидений, и который принялся невероятно громко храпеть, создавая в вагоне передвижное подобие машиностроительного завода, работающего на пределе своих производственных мощностей. Временами он приподымался и начинал от чего-то очень озорно смеяться. Сидевшие с ним рядом пассажиры скоро поняли, что смех – это не только радость и детская игривость, но и отличное мочегонное средство.

Появление милиции не заставило себя долго ждать. В вагон быстрым шагом зашёл обиженный контролёр и тщедушный, довольно хилый милиционер. Но тщедушный сотрудник, компенсировал физические недостатки висевшим у него на плече автоматом, - наверное, с некоторых пор сотрудники транспортной милиции стали ходить с автоматическим оружием, включая пулеметы. Обиженный контролер гневно поднял указующий перст на нарушителя пропускного транспортного режима. Тщедушный блюститель оказался, несмотря на хилость, очень юрким и подвижным. Он подбежал к безбилетнику с видом солдата, бросающегося в отчаянный штурм на неприятельские окопы, и без лишних разговоров ударил того по голове прикладом автомата, как будто бы только для острастки, но человек сразу же отключился, не проявив достаточного иммунитета против

подобных жизненных напастей. Контролер и милиционер подхватили под руки отключившегося нарушителя порядка и потащили куда-то в тамбур для объяснений, грозивших жертве законности еще большими осложнениями здоровья. Совсем кстати в этот момент в вагон с другой стороны вошел врач, ищущий умирающую старушку. Он подошел к первой же, находящейся без сознания старушке, но это оказалась жертва безбилетного проезда, испугавшаяся контролера. Старая красавица сразу же ожила, почувствовав на себе прикосновения постороннего человека, желавшего пощупать ее пульс; а, увидев, что это был мужчина, готова была впасть в ещё более глубокий обморок, из которого ее не легко было бы вывести без нашатырного спирта и пощечин. На протяжении стольких лет она свято хранила основы девичества и никак не могла пожертвовать принципами ради какого-то врача. Женщина издала такой пронзительный вопль, который сделал бы честь даже разъяренному бизону. Испуганный эскулап готов был обратиться в бегство, если бы его не остановили призывные крики людей, собравшихся вокруг другой больной старушки. Наспех осмотрев вторую жертву, врач пришел к утешительному выводу, что она не беременна (он был гинекологом), а значит и достаточных оснований для беспокойства о ее здоровье не имеется. А то, что до сих пор не приходит в сознание, так это возрастное, если организм сильный – то оправится до конца поездки, а если нет – то тогда придется возможно и лечить, но уже другим врачам. Тут он случайно уперся взглядом в гроб и заметно смутился.

Больше всех, надо сказать, в этой поездке повезло глухому, от одетых наушников плеера и громкой музыки, студенту. Всё это время он был погружен в увлекательное чтение поучительной статьи в бульварной газете о студенте-маньяке, изнасиловавшем четверых застенчивых сокурсниц. Вернее, его хватило только на троих, на четвертую силенок у него, понятное дело, не достало,

она-то и заявила на садиста, до глубины души пораженная вандализмом, который был совершен по отношению к её подругам.

Наконец приятный голос из селектора объявил нужную Воику и Ларисе остановку, и они вышли...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XI

Уже знакомый нам мальчик Витя, кроме того, что гениально быстро перенимал у Михалыча все его крылатые выражения и регулярно демонстрировал их родителям и всем, кто пытался ограничить его свободное детское развитие; он к тому же с малых лет, несмотря на отменные гены, ещё и выказывал явные склонности к мелкому бандитизму. Мальчик был большим другом животных...

Например, однажды весной, выпущенный мамой на прогулку, он вышел из квартиры в приподнятом настроении и с хорошим желанием напакостить. Подойдя к дверям лифта, он, как обычно, дотянулся до кнопки вызова и вызвал лифт. Однако то что он

увидел, когда открылись двери, ввело его в состояние мрачного ликования. Посреди кабины сидела маленькая соседская собачонка «Кнопа», очень вредная, надо сказать. Увидев Витю, она вместо того, чтобы ошетиниться и проявить обеспокоенность, решила повилить хвостом, хотя никогда до этого не видела вундеркинда, за это ей скоро пришлось горько поплатиться потерей веры не только в человека, как своего друга, но и в жизнь, как источник вечных радостей. Витя в свою очередь неплохо был осведомлен о собачке и хорошо знал её повадки, часто наблюдая за ней из окна квартиры. Этот интерес проснулся у него давно, так как каждое раннее утро, когда собачку выпускали на прогулку, она бежала с вышележащего этажа и очень противно лаяла, заставляя пробудиться весь дом, в том числе и Витю – большого любителя поспать. Сегодня она, по-видимому, задержалась на улице дольше обычного по причине сердечных дел, и вместо того, чтобы бежать по лестнице, проявила сообразительность и заскочила в лифт, ожидая, когда он пойдет вверх. Такого подарка судьбы Витя никак не ожидал, но, несмотря на неожиданность, машинально вытащил из кармана коробку со спичками и вставил спичку в кнопку вызова лифта, чтобы тот не уехал. Дверь закрылась, а Витя стрелой помчался обратно в квартиру. Несколько минут спустя он вышел. В руке у него была клюшка. Витя подошел к лифту и открыл двери. И тут детский неприкрытый садизм проявился во всей своей разнузданности. Не известно умела ли собачка бегать по потолкам до этого случая, но тогда она сделала это с легкостью орангутанга. После этой встречи бедное создание до конца жизни боялось выходило гулять в одиночку и совсем боялось лаять. Витя же вечером того же дня вырезал перочинным ножом на клюшке большую звездочку.

Продавщицам винно-водочного отдела соседнего магазина часто приходилось с сожалением продавать маленькому мальчику сигареты, так как он приносил записки от своего тяжело больного

дедушки с просьбой дать внуку возможность помочь старому инвалиду. Иногда в записке содержалась просьба продать внуку бутылку водки для больного дедушки, но в этом вопросе женщины были принципиальны, и не давали водку, боясь, как бы дедушке не стало хуже. Михалыч по доброте душевной всегда был рад помочь подрастающему поколению, по-товарищески делаясь с Витей сигаретами в благодарность за эти мелкие услуги.

А однажды в мирную семью маленького Вити пришла большая радость: в один из вечеров Витя вернулся домой, пошатываясь и от него повсюду пахло спиртным и сигаретным дымом. Витя здраво рассудил, что незачем дожидаться взросления, а лучше с ранних лет познать светские удовольствия, не откладывая радости жизни до того времени, когда в них не будет никакого смысла. Папа Вити как раз в это время находился на грани неврастения, готовясь к защите диссертации, которая должна была состояться на следующий день. Витиной матери сразу стало не по себе, она убежала в спальню, рухнула на кровать и стала обливаться слезами, восклицая: «Всё пропало! Всё пропало! Мы его теряем!» Немного отдышавшись, она стала жаловаться мужу: «Не понимаю, что с ним происходит. Представляешь, я недавно читала ему сказку «Дюймовочка» и сказала, что эта сказка о поиске женского счастья, а он мне сказал, что эта сказка о том, как одна баба жила с разными мужиками». Витин папа был так сосредоточен на работе, что даже после этого ужасного инцидента был настроен отложить разговор с сыном на следующий день, когда успешно сдаст диссертацию.

- Завтра, Витя, я с тобой серьёзно поговорю и, надеюсь, ты бросишь и пить, и курить одновременно, - грозно, но сдержанно произнес отец, глядя на сына прищуренными глазами в толстых очках. На что Витя ответил слабым, но твёрдым голосом:

- Па, я хочу быть как дядя Михайлович.

И тут нервы Витинога папы не выдержали, и он разразился такой мощной тирадой, по поводу невозможности сосредоточиться на работе, по сравнению с которой, самый тяжёлый понос мог показаться лишь слабым детским недомоганием. В конце бури и натиска, немного успокоившись он спросил:

- Кто такой этот Михайлович, я тебя спрашиваю?! – закричал он в бешенстве.

- Это Ларисин отец, ты иногда видишь этого забулдыгу вместе с другим нашим соседом из двадцать восьмой, – закричала Витина мама, ненадолго прервав рыдания.

- Теперь, Витя, ты будешь выходить во двор только вместе с мамой! – жестоко произнёс Витин папа и опять уткнулся в диссертацию.

Вечером следующего дня папа Вити вернулся после защиты диссертации с неестественно торчащим ухом и сильно разбитым носом.

- А ещё говорят, что поэты и ученые никогда не дерутся! Дерутся, да еще и как дерутся! – закричал он на пороге, в ответ на обескураженный взор жены.

Оказалось, что между одним умным профессором и Витиным папой на защите диссертации разразился отчаянный научный спор. Профессор, оставаясь верен обычной академической практике, нещадно бичевал научного оппонента,

постепенно перейдя на личности, пока у того окончательно не сдали нервы, и без того расшатанные поведением сына, и последним доводом в научном споре стали кулаки. Профессор и Витин папа плавно перешли к битве титанов, начав рукопашный бой прямо в аудитории, и закончив ученую дискуссию в коридоре. Но Витин папа находился в более легкой весовой категории, чем его соперник не преминул воспользоваться. Все основные доказательства силы были на стороне негодного профессора, и Витин папа не защитил диссертацию, как не старался. Будь он немного покрепче, он, возможно, смог бы стать доктором наук.

*

*

*

В интеллигентной Витиной семье недолюбливали праздники, считая их праздным времяпровождением, которое можно было бы посвятить чтению книг и продолжению научной работы. Но праздники – это такая же неотъемлемая часть нашей жизни, как налоги и коммунальные платежи. Наиболее опасны праздники, проходящие в вашей квартире: приходится с удвоенным вниманием следить за передвижением напитков и блюд. Не из боязни, конечно, что пропадет посуда, хотя бывало и такое, а в основном из-за страха, что содержимое любого блюда может оказаться на полу или мебели, а это просто смертельный удар в сердце любой чистоплотной домохозяйки, какой и была Витина мама. Надо также иметь в виду, что любые интеллигентные люди

после определенной дозы слабоалкогольных напитков становятся не лучше неучей, а даже, в силу слабости академических организмов, хуже, потому что с непривычки совсем перестают отвечать за себя и свои действия.

Одним из таких неотвратимых праздников стал День рождения хозяйки дома. Маленькая субтильная женщина работала в химической лаборатории научным сотрудником, и была удивлена тем, что впервые за десять лет кто-то пронюхал о точной дате ее рождения. В подтверждение этого факта ей подарили салатницу и букет мимоз, и подарили не в сам день рождения, а за три дня до него, чтобы дать будущей именинице время одуматься и пригласить коллег на праздничный вечер. Выбор у Витиной матери был не большой, - надо было приглашать, иначе немедленно могли начаться злобные пересуды. Витин папа, конечно же, с неохотой принял свершившийся факт, но ради любимой жены отложил упоительное написание кандидатской, и примерил на себя кухонный фартук.

Настало время, когда все гости, - большинство из которых носили очки, а оставшееся меньшинство их просто не надело и плохо ориентировалось среди расставленных на столе блюд - все они расселись за праздничным столом. Начальник Витиной мамы, глубоко лысый академик, признанный титан отвлечённой мысли, взял на себя нелёгкое бремя произнесения первой поздравительной речи. Он оторвал удивленный взгляд от маленького Вити, - сидевшего рядом с ним, и лицо которого было почему-то багрово красным, как будто он делал над собой какое-то невероятное усилие, - он встал несколько смущенный и начал вспоминать все бесценные качества именинницы:

- Дорогая наша Зоя Александровна... - тут Витя издал неприятный внутриутробный звук, тут же перешедший во внешне

утробный, равный по громкости и заряду нескольким килограммам тротила. Именно этот подвиг Геракла и пытался совершить Витя.

- Витя! – умоляюще произнесла именинница, и лицо её от стыда стало не мене багровым, чем у проказника-отпрыска.

- Витя! – произнес его отец, тоже с красным, но уже от беспредельной злости лицом. Он резко встал, подбежал к сыну, схватил Витю за руку и поволок в спальню. При этом Витя успел обратиться к гостям с добрым пожеланием: «Приятного аппетита, гости дорогие, жрите, сволочи!» - эту фразу он недавно услышал из разговора двух болтливых соседок и добавил к фразе от себя сложный идиомат доходящий если не до третьего, то уж точно до второго этажа сложности. Под свежими впечатлениями Витин папа, не теряя времени, первый раз в жизни снял со штанов ремень и решил внести некоторые быстрые, но существенные изменения во внутренний мир ребенка. За закрытой дверью спальни слышались хлесткие удары и непонятное мычание, исходящее то ли от папы, то ли от Вити.

Затем отец семейства, извинившись за поведение сына, вернулся за стол, всё ещё красный от физических усилий и обливаясь потом, и праздник пошел своим чередом. Быстро охмелевшие научные сотрудники абсолютно перестали правильно ориентироваться в окружающей обстановке и стали мелкими партиями разбредаться по комнатам и заводить заумные беседы, понятные только им одним. В одной из спален два бородатых историка, приятели Витино папы, расположились в креслах с бокалами вина в руках, а третий приятель уже висел на спинке кровати, начиная потихоньку громко сопеть, готовясь захрапеть. Один из историков, известный академический плуг, безоглядно вспахивающий пашню науки, поглощавший одну книгу за другой

нередко даже не вдаваясь в смысл прочитанного, завел весьма спорный разговор об истории запорожского казачества:

- ... и турки многих поймали, совершили над ними обряд обрезания, всех заклеямили, многим выкололи глаза и вырвали языки, но это нисколько не напугало ни казаков, ни их предводителя. Скоро они вновь сели в ладьи и поплыли под Константинополь. Турки опять почти всех переловили, посадили многих в бочки с дерьмом, сбрили им чубы, выпороли, обрезали уши, и затем отпустили восвояси. Однако и тут герои-казаки не уgomонились, в 1614 году две тысячи отборных сорвиголов снова выплыли в море. Дорогу им на этот раз показывали потурнаки, казаки, которых турки насильно держали у себя долгие годы: кормили под страхом смерти, заставляли завести гаремы, издевались над ними, принуждая целыми днями бездельничать, но, несмотря на всё это казаки никак не могли забыть родину и родные обычаи: начинали воровать и ходить по ночам в чужие гаремы, за что изверги-турки рубили им руки и вырывали ноздри. И теперь потурнаки хотели, чтобы через эти приятные процедуры прошло как можно большее количество земляков. В тот памятный год запорожцы пристали возле города Синопа, располагавшегося в живописнейшей местности с прекрасным климатом. Город славился богатством своих жителей, красотой мечетей и цветущими садами и звался «городом влюбленных». Казаки вырезали весь гарнизон, сожгли мечети, истребили большую часть населения, оставив после себя пепелище, превратившееся в пустыню, и с радостью отправились домой...

- Да, я помню эту славную главу в истории запорожцев, - согласился с ним его приятель. - Живописная местность, приятный климат и благожелательность жителей так понравились казакам, что они еще не раз брали славный город приступом, сжигали его дотла и уводили в плен его жителей. Таких выдающихся успехов запорожцы еще никогда не достигали, разве что при атамане

Сирко. Когда в битве под Пупырлем в тяжелейшей военной ситуации бесстрашные наши казаки храбро развернулись и стали удирать что было духу.

- А помните не менее героическую главу нашей истории, когда в морской битве под Синопом начальник турецкого флота, раненый, попал в плен к казакам и предлагал за себя тридцать тысяч золотых, но не выдержал радушия казаков и умер под плетьюми.

- Да, много славных страниц в отечественной истории...

Рядом с ними в мягком кресле сидела жена одного из них, с головой погруженная в процесс просмотра годовой подшивки педагогического журнала с елейными статьями о воспитании детей и взаимоотношениях в семье - любимой теме Витиной мамы. Женщине надоела предложенная тема научной дискуссии, и она решила ее сменить:

- Ребята, может вам поговорить о чём-нибудь другом, мне надоели уже эти ваши казаки. Говорите о татаро-фашистском иге, что ли.

- Дура, нет такого понятия, - грубо ответил её муж, в очередной раз поражаясь непросвещенностью жены.

В других комнатах велись не менее заумные беседы, приводящие иногда к изумительным открытиям. Например, шампанского...

К концу праздника, когда гости были достаточно нагружены и готовы были разбрестись в нестройном порядке по домам, Витина мама неожиданно всполошилась, потеряв из виду своего проблематичного ребенка. «Дорогие гости, - обратилась она к собравшимся, - кто-нибудь видел моего сына?». «Нет не видели, - был ответ, - надо поискать». Витя долго не откликнулся на зов, потому что очень удачно спрятался под диваном во второй

спальне и, мало обращая внимания на посторонние звуки, занялся обдумыванием процесса засовывания кошки в микроволновую печь. Потом он с огромным интересом стал наблюдать, как один рослый доцент вошел в спальню и занялся поисками его детской персоны с одной хорошенькой лаборанткой. Доцент, не включая свет, по-научному основательно приступил к делу: сперва он внимательно осмотрел все углы комнаты; затем осмотрел шкаф, проведя полную инспекцию карманов плаща Витино папы; затем осмотрел содержимое двух тумбочек; затем заглянул под юбку лаборантки, но и там не обнаружил Витю. Затем обоих молодых людей сильно огорчило то, что кроме них в комнате никого нет, но огорчение было не долгим, их тела тут же стали поддаваться всеильному закону всемирного тяготения, притягивающего друг к другу молодые здоровые тела...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XII

После нескольких дней и ночей, проведённых в камере предварительного заключения, Петрович и Михалыч были определены судом на десятидневные исправительные работы, которые их обязали пройти в городском психиатрическом диспансере, остро нуждавшемся в дворниках. В городе было не так много живописных мест, и одним из них, без сомнения, была территория психиатрического диспансера, покрытая пышными

каштанами и побегами неизвестного кустарника, создающими весной и летом расслабляющую тень, в которой могли отдохнуть и душой, и телом, расположившись на удобных деревянных лавочках, временные и постоянные больные, а также пришедшие к ним посетители. Правда для того, чтобы попасть в этот оазис, надо было проникнуть сквозь кирпичный забор и колючую проволоку или наделать много интересных дел, за которые можно было попасть и за другой похожий забор. Главврач лечебного заведения Марья Петровна Сутулова, лечащая больных не только знанием медицины, но и своей фигурой, впервые увидев Петровича, с пониманием покачала головой приведшему их молоденькому милиционеру, безошибочно определив в Петровиче родственную душу и тут же поставив точный диагноз: олух, запущенная форма.

- Не волнуйтесь, сержант, у нас они в безопасности. Заодно немного подлечимся, попьём витаминов, поправим тонус, - она премило улыбнулась Петровичу и Михалычу, а потом и молоденькому милиционеру, сосредоточенно осматривающему её с головы до ног, мысленно раздев до гола, - трудотерапия, батенька, вещь великая, не помню, кто из великих сказал это, - добавила она. При слове «попьём» и Петрович, и Михалыч заметно приободрились и даже слегка посвежели. Они всегда были не прочь попить витамины.

- Метлы у нас вон там, - указала Марья Петровна в угол коридора.

- Пошевеливайся, - бесцеремонно толкнул милиционер Петровича, - давай быстрее! - Но слуге закона тут же пришлось убедиться, что заставить Петровича двигаться хоть сколько-нибудь быстрее, было равносильно, как если бы попытаться пустить черепаху в галоп.

Петрович и Михалыч выбрали на территорию диспансера с метлами наперевес и приступили к своим обязанностям, в первый раз в жизни начав осваивать профессию дворника. Во время неспешной работы у них было достаточно свободного времени, чтобы понаблюдать за каждодневной жизнью диспансера и составить некоторые суждения об обитателях этого закрытого учреждения.

За одним из кустов стоял пожилой человек в клетчатой рубашке, держащий перед собой полусогнутые руки. За ним стоял худощавый прыщавый парень, задумчиво наблюдавший за действиями пожилого пациента.

- И какие важные мероприятия вы предпринимаете для активизации клёва? – не выдержал прыщавый парень.

- Всё-таки, какое падение нравов у молодежи, - вместо ответа нервно произнес «рыбак», - специально встал пораньше, чтобы попасть на первую поклёвку, а мне хотят распугать всю рыбную стаю! А ведь по утрам попадаются действительно выдающиеся экземпляры. Иди отсюда, придурок!

- Ну, ну, - хмуро произнес молодой человек и отошел за другой куст. Обитатели диспансера называли его «студентом», так как в то время, когда его приняли в свой коллектив обитатели дурдома, он был одним из лучших студентов политехнического института. На экзаменах он просто засыпал экзаменаторов информацией, правда, в последнее время учёбы он начал сильно заливать, выплескивая на них целые вёдра непроверенных фактов, определённо, как посчитали экзаменаторы, подмачивая репутацию здравомыслящего человека. Его речь со временем начала становиться умней и умней, а выражения всё грубее и грубее, и более напоминали какие-то ужасные комментарии к техническому апокалипсису, а сам он стал угрюмым и недоверчивым, потеряв надежную душевную опору. В

диспансере «студент» приобрёл одну интересную привычку: он часто просил посадить его до верхнего края забора, поверх которого сквозь колючую проволоку можно было увидеть унылую картину заброшенной спортплощадки. Однако некрасивый пейзаж часто разбавляли старшеклассницы в кощунственно коротких юбках, ежедневно приходившие туда покурить после уроков.

«Рыбак», мужчина с которым разговаривал «студент», попал в заведение из-за любви к умственному самосовершенствованию. В тридцать лет он неожиданно для всех решил, во что бы то ни стало, сделать из себя высокообразованного человека. Шесть лет он учил английский язык, восемь – немецкий, и вследствие этих героических потуг у него в голове началась такая чехарда, что он уже и сам не знал на каком языке разговаривает. Мысли у него в голове вследствие слишком долгих и мучительных учёных занятий стали двигаться с такой стремительностью, что он едва успевал хватать их за хвост. И после стольких трудов бедный горемыка-ученик понял, что его призвание - ловить рыбу. Кроме них в психиатрии находилось немало достойных людей лишь по иронии судьбы оказавшихся вдали от культурных центров цивилизации. И какие дарования здесь иногда погибали! Среди них легко можно было найти превосходных кандидатов на высшие гражданские, военные и другие государственные должности нашей страны. Ведь не является секретом доказанный факт, что IQ многих ныне действующих высоких государственных чиновников стремительно приближается к нулю. Во всём мире, конечно, полно дураков, но наши, откровенно говоря, самые несносные. Счастлив блаженный человек, который не ведаёт больших умственных способностей, тем же, кто не обладает подобным спасительным преимуществом и имеет некий дар, всегда в жизни приходится трудно.

Так диспансере в то замечательное время находился бывший директор одного коммерческого банка. Видный мужчина с широченными кредитными плечами, любящий плотно подкрепиться и часто гадающий от чего именно его тошнит после обеда, то ли от трех тарелок супа, то ли от шести отбивных, то ли от четырех стаканов бульона. В диспансере разрешалось есть до полного отвала, и он с удовольствием предавался чревоугодию. Здравомыслия и хитрости, вообще-то, ему хватило бы на пятерых здоровых. Но иногда он так увлекался всякими хитрыми комбинациями, что часто обманывал даже себя самого. Поэтому он и удалился на некоторое время в оазис моральной чистоты, подальше от вездесущих налогов и прочих мелких неприятностей в виде безвозвратно потерянных вкладов нескольких тысяч клиентов. Больные называли его уважительно - Сан Саныч. Несмотря на большую разницу лет, он неожиданно близко сошелся со «студентом», и они часто заводили острые философские беседы на злободневные темы современности. К ним подключались и другие безнадежные больные, попавшие туда скорее не по диагнозу, а по воле обстоятельств, так как попасть в диспансер стремились многие граждане, скрывающиеся от правосудия.

В то утро Сан Саныч, по заведённому обычаю, за час до завтрака вышел посидеть на лавочке или немного прогуляться по аллее – нагулять аппетит, а заодно размять остроумную голову в беседе со своим юным другом, на первую, пришедшую на ум тему. Вдали он увидел гуляющего «студента», помахал ему

приветственно рукой, и сел на липкую свежевывкрашенную лавочку, ожидая своего юного товарища.

- Вы не видели ещё наших новых друзей? - обратился к Сан Санычу «студент», едва подойдя к лавочке. – Хотя нет, - ещё раз взглянув куда-то в сторону, задумчиво произнёс «студент», - это не наши друзья, это, наверное, отбывающие наказание, вон рядом с ними блюститель порядка. Наверное, совершили что-нибудь в высшей мере революционное. Преинтереснейшие экземпляры, надо сказать. Посмотрите на высокого: вот-вот свалится вместе с метлой.

- Думаю это жесточайший похмельный синдром, мой друг, - сделал вывод Сан Саныч, устремив взгляд туда, куда кивнул «студент». - Кажется, надо спасать несчастных людей, – и он заговорщицки подмигнул товарищу. - Только ради человеколюбия, - усмехнулся Сан Саныч и вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылку коньяку. – Давай так: я постараюсь отвлечь мента, а ты - окажи первую медицинскую помощь этим угнетаемым жертвам алкоголизма.

Сан Саныч подошел к милиционеру и самым серьезным тоном стал задавать ему всякие каверзные вопросы о службе и личной жизни. Поинтересовался: до сих пор ли по нашим улицам бродят голодные милиционеры, так что не успеешь напиться, как к тебе выстраивается очередь молодых стражей законности с протянутой рукой. И, медленно уводя его от подопечных, продолжил живую беседу, проявляя неслыханную для больного проницательность. «Студент» поспешил выполнить свою спасительную миссию, он подошел к Михалычу и протянул ему бутылку с коньяком. Михалыч трясущимися руками вцепился мертвой хваткой в бутылку и был доведен несколькими глотками до состояния плохо контролируемой эйфории. Такое несказанное счастье не каждый день спускается с небес. Но, всё же, даже на

вершине счастья он не забыл о друге и поспешил передать бутылку Петровичу, боясь помутнения рассудка, которое может заставить его выпить до дна весь коньяк.

- Как вам эти экземпляры? – спросил «студент» подошедшего в этот момент к нему «рыбака», - не правда ли шедевры человекостроения?

- Молодежь как всегда склонна, natürlich, ошибаться, судя по их пьяным рожам, я бы без промедления отнес бы их к тупиковой ветви развития человечества. – Михалычу было непривычно слышать подобные высоколобые речи, он не понял о чём говорили в частности, но понял, что о нём не очень хорошо отзываются.

- Ё.. . вы су... я вам бл... как надо мной х... какого ч...- возмутился Михалыч, грудью встав на защиту свой чести и чести Петровича, изрядно, правда, потрепанной недавними событиями. Он замахнулся метлой на наглого «рыбака», и тот поспешил быстро ретироваться, говоря на ходу:

- Вот, вот, я как раз об этом, какой нахал, и это вместо уборки территории! Мети, давай, старый хрыч, всю страну загадили, а убирать некому. – «Рыбак» был далек от мысли о физическом сопротивлении. Только один раз в жизни он сумел затеять восхитительную, но на удивление короткую драку, легко расставшись с двумя передними зубами. Это историческое событие произошло, когда он попытался на улице вразумить двух подростков, сцепившихся из-за последнего глотка пива, но быстро объединившихся в борьбе против него самого.

«Студенту» стало немного стыдно за своего невежливого коллегу:

- Не обижайтесь на него. Не надо обижаться на дураков: они живут, как умеют, – попытался он оправдаться перед Михалычем, но на всякий случай отошел от него подальше.

Прогулка Сан Саныча с молодым Пинкертоном подошла к концу, к великой радости последнего, которому как на допросе пришлось рассказать представителюному господину о всей своей жизни, начиная с того момента, когда ему впервые одели ползунки, и кончая насущными проблемами коррупции в милиции. Освобождённый от лишнего душевного груза, милиционер возвращался к своим подопечным как после исповеди: Сан Саныч умел надавить на человека авторитетом так, что тот готов был поделиться с ним самым сокровенными секретами, лишь бы быть амнистированным от дружеской беседы. Но когда милиционер приблизился к Петровичу и Михалычу, то нашел их в полу лежащем положении расположившимися на траве, улыбающимися и совсем не способными выполнять не только положенную трудовую повинность, но и любую иную деятельность. Михалыч уже целых двадцать минут тянулся за метлой, но никак не мог ее схватить, та оказывалась неуловимой, и он опять валился на бок. Юноша в погонах, удивленный этим возмутительным фактом человеческого вандализма, до глубины души оскорбился и совершил попытку выведать у двух друзей источник припадка веселья. Он обратился с настойчивым вопросом к Петровичу, и тот, узрев пред своим носом мощный кулак, поспешил, с некоторым вялым усилием, поднять руку и указать куда-то в сторону лавочек, на которых к тому времени сидело уже немало пациентов. Без лишних расспросов милиционер опрометью побежал докладывать Марье Петровне, о творящихся в её диспансере ужасных и таинственных делах, услышав о которых, Марья Петровна вспыхнула от охватившего её яростного возмущения до корней волос, едва не

подпалив белоснежный медицинский халат, в который она так элегантно была завернута.

- Кто, я спрашиваю, напоил двух посторонних лиц?! – гневно закричала она, высунув наполовину из окна свой аппетитный торс. «Рыбак», отличавшийся повышенной любовью к ближним, не смог сдержать эмоций и закричал:

- Я видел, как Сан Саныч и Павел студент чем-то угощали двух дворников, а потом Сан Саныч гулял, обнявшись с милиционером!

- Сан Саныч, вы всё веселитесь, для вас это не психиатрическая больница, а курортный санаторий! Мое беспредельное терпение со временем может лопнуть! – голос заведующей начал напоминать завывающую сирену.

- Степлтон, - делая вид, что не совсем понимает, о чем идет речь, громко удивленно обратился Сан Саныч к сидящему рядом с ним «студенту», - что это? – Студент понял свою роль в репризе и подхватил:

- Ватсон, говорят, что в этих местах так воет собака Баскервилей, сэр! – грубо высказался «студент».

- Не прикидывайтесь придурками, я вас быстро выпишу! Сан Саныч, вы ведь уважаемый человек, а ведёте себя как ребёнок! – с обидой в голосе закричала главврач.

- Прежде всего, я – идиот, Марья Петровна, что же вы хотите от идиота? – Так же обиженно отвечал бывший финансовый воротила. - Я отдыхаю настолько, насколько заплатил, – язвительно добавил Сан Саныч, - или вы хотите, чтобы я сошёл здесь с ума от скуки?! Тогда лечить меня придётся бесплатно...

- Мой юный друг, - обратился Сан Саныч к студенту, взглянув на часы, - вы бы не хотели прогуляться к забору, кажется, как раз время, здесь нас слишком плохо принимают, создали какой-то

нездоровый ажиотаж на пустом месте. И знаете, что я вам скажу, - вдруг не к месту произнёс Сан Саныч, - на вашем месте я бы не терял времени зря и давно бы вплотную занялся вопросом заведения семьи и потомства, то есть в перспективе, я имею в виду. Или вы как все интеллигентные люди стыдитесь иметь детей? А тем временем люди менее интеллигентные с удовольствием заводят по десять и более младенцев. И скажите мне, пожалуйста, куда мы тогда докатимся, если все умники вымрут. Тогда таким как я закоренелым отшельникам не с кем будет поговорить в дурдоме. И всё это из-за стеснительной сентиментальности нашей умственной элиты...

Сан Саныч усмехнулся, взял «студента» нежно под руку, и увлёк его в сторону стены.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XIII

Прибытие крупного зарубежного бизнесмена-афериста Клауса Кляйна, известного у себя в стране и за рубежом виртуоза-мошенника, ознаменовалось небольшим казусом, произошедшим с ним вскоре после приземления на нашу землю. Он много слышал о том помпезном радушии, с которым мы встречаем иностранцев, что даже хилая заморская свинья, прибывшая к нам в консервных банках, неожиданно становится большим, важным зверем. А у любого нашего истинного патриота при слове

«иностранец» почему-то начинает дугой прогибаться спина. Прилетел он для того, чтобы встретиться с мэром нашего города и обсудить с ним условия сделки, в которой должен был активно участвовать «Сатурн». Право встретить гостя предоставили «Сатурну», а там доверили это важное мероприятие Петру.

Пётр полночи готовился к незабываемой встрече и учил приветственные фразы на английском языке, подготовленные для него знакомым полиглотом. Кроме приветственных, он самостоятельно выучил несколько других фраз, найденных им в Интернете, в том числе и пару нелитературных оборотов, предназначенных для поддержания раскованной атмосферы в тёплой дружеской беседе. Когда же на вокзале к Петрухе, который, как его и учили, держал в руках плакат с именем встречаемого, подошел бородатый человек в потрёпанном пальто и представился хэром Клаусом, Пётр проявил впечатлительность и от неожиданности забыл все нужные приветственные слова, выученные накануне, и выпалил лишь: «Вотс э бул шит, хэр Кляйн!!!». Подобное приветствие на английском языке, полное почтения и глубокого уважения, развеселило заморского гостя. Он громко засмеялся, добродушно похлопал Петруху по плечу, поняв, что это свой в доску парень и, таким образом, первый эмоциональный контакт был полностью налажен. Отчасти Петра удалось застать врасплох из-за непримечательной внешности господина Кляйна. Одет он был просто, без лишних притязаний на моду или особый вкус. Возможно, это было сделано намерено, чтобы не выделяться среди других членов общества, которых так самозабвенно любил обманывать хэр Кляйн. Лишь багровый шрам над правым глазом был единственной примечательной особенностью простого лица приезжего. Шрам Кляйн получил во время автомобильной аварии в Берлине, когда по завершении затянувшегося банкета он поехал в гостиницу, слабо цепляясь за руль, и в одном из поворотов длинная колонна фонарных столбов

попыталась перебежать ему дорогу. Кляйн не первый раз был у нас в стране. Из прошлых визитов он вынес похвальное для нас о нас мнение, что здесь, и особенно иностранцу, можно совсем неплохо пожить, если бы только не холодная затяжная зима, а летом не злые, как собаки комары.

От вышестоящего начальства, то есть от Владимира Васильевича Сущенко, Пётр получил указание отвезти гостя на новую, недавно выстроенную дачу мэра. Доступ в эту загородную резиденцию мэра был строго ограничен, дабы умение строить и обставить жилище с присущим большому человеку размахом не вызвало кривотолки среди общей бедной массы городского населения. Кляйн был давним испытанным другом и Сущенко, и мэра, который, иногда, шутливо, хотя и грубовато, называл Кляйна «удивительной, уникальной личностью давно достойной провести остаток своей жизни за тюремной решеткой». Сущенко и Константин Иванович также были старыми приятелями, вместе обделав немало умопомрачительных коммерческих комбинаций. Ехать к даче пришлось через центр города. Кляйн не без удовольствия отметил, когда они проехали мимо мэрии, что резиденция главы города со времени его последнего визита заметно похорошела: перед зданием появились элегантные фонтаны с ночной подсветкой; все подъездные пути были выложены камнем, были удивительно чисты и отличались ровностью покрытия, в отличие от остальных дорог города и области, похожих на разбомбленные направления движения, о чем немец смог судить сразу же, как только они отъехали от аэродрома, высоко подскочив на заднем сиденье автомобиля и больно ударившись о крышу машины своей лысой головой. Дождливой осенью большинство дорог в городе становились проходимы только для танков и вездеходов, а снежной зимой, при минус тридцати, водителям, застрявшим в сугробах, оставалось утешать себя лишь тем, что как раз в это время в

Гонолулу цветут пальмы, а на Гаити, наверное, начинается период теплых муссонов.

Кляйн сначала подумал, что они заедут в мэрию, поприветствовать Константина Ивановича, но Пётр, уловив вопросительный взгляд гостя объяснил: «Мы поедем сразу на дачу к боссу, он уже ждет нас там. А самая лучшая дорога идет как раз через мэрию». «О, йа, сдесь хороша дороха», - обрадовавшись возможности проехать без прыжков в высоту, утвердительно произнёс Кляйн. Дорога от мэрии в восточном направлении оказалась неожиданно хорошая: новая, ровная, со свежей разметкой. На одном небольшом участке дороги всё ещё продолжалась работа. Какой-то изможденный человек в очень грязной спецовке рыл какую-то канаву еле-еле ковыряя глинистую землю лопатой; над ним стояли три круглолицых начальника и, отчаянно жестикулируя, руководили доходягой, решив, во что бы то ни стало, уложить бедолагу в эту же канаву.

Люди из мэрии наперебой расхваливали это произведение дорожного искусства, ставя её строительство в один ряд со строительством Цезарем Аппиевой дороги. Нашлись, однако, некоторые бессовестные, злые клеветники, нахально утверждавшие в слабой оппозиционной прессе, что новая дорога была построена не иначе как от мэрии к загородному дому уважаемого главы городской администрации. Но они скоро были вынуждены замолкнуть под тяжестью неоспоримых улик, убедившись в стерильной чистоте нашего мэра. И больше никакие хамские статьи не появлялись.

Разве что, через месяц одна скандальная журналистка попыталась оставить следы от своих жирных пальцев на непререкаемом авторитете главы города, утверждая в одной своей скандальной статье в бульварной газете, что Константин Иванович есть никто иной, как неисправимый враг добра и

преданный друг порока, предоставив при этом снимки какого-то субъекта, несколько напоминавшего своей фигурой и лицом всеми уважаемого мэра и носившего даже его часы, и который находился в компании нескольких голых женщин. В другой же скандальной статье, она почему-то решила, что два месяца, когда мэра видели только его помощники, и когда он находился в важных заграничных командировках, - всё это время мэр банально находился в глубоком запое. На что Константин Иванович ответил ей в газетной полемике, что бывают люди – трезвенники, а ведут себя всю жизнь, как пьяницы, по-видимому прозрачно намекая на кого-то из вышестоящего руководства. Скандальной журналистке, конечно, никто не поверил, и возмутительнице общественного спокойствия пришлось объясниться с мэром в присутствии прокурора и пяти вооруженных милиционеров, после чего ей срочно понадобилось удалиться из города на Канарские острова, по-видимому, чтобы скрыть свою позорную лживость, тем самым полностью признав ошибочность своего предвзятого мнения. Конечно, многие граждане нашего города и без газетных статей догадывались, что наш мэр имел абсолютно ничем не запятнанную совесть: ни честностью, ни моралью, ни любовью к согражданам, ни расточительностью в добрых делах.

Когда машина медленно подъехала к трёхэтажному зданию, больше походившему на дом культуры или виллу компьютерного короля, навстречу хэру Кляйну вышел сам Константин Иванович, одетый в легкий спортивный костюм на босу ногу, одетую в туфли из кожи питона. За ним вышли два, как он говорил, «мальчика», безразмерных габаритов с лицами безжалостных убийц. Затем пришло время помпезному выходу хозяйки дома, дебелий матроны в теле, вышедшей покачивая широкими бедрами, и одетой, почему-то, несмотря на теплое время года, в длинную соболью шубу. В ней было не менее сто

сорока килограммов, и фигура её была далека от того, чтобы называться хрупкой. Правда Евгения Петровна, как звали хозяйку дома, постоянно старалась не терять девическую стройность при помощи всевозможных изощренных пыток, называемых диетами, что сильно портило её и без того испорченный характер, а взгляд всегда казался голодным.

Есть, надо сказать, сделав отступление, несколько видов диет. Одни страждущие являются твердыми приверженцами вегетарианства. Другие считают, что без мяса, как и без топлива, далеко не уедешь. Третьи считают, что есть можно всё, но не одновременно. Что нельзя смешивать разные ингредиенты: утром надо есть только яблоки, днем – мясное, вечером – огурцы. Еще одни свежее испеченные диетологи, основатели таких общеизвестных международных шаяек, как “Herbastupid”, “Amfools” и других им подобных, привыкших зарабатывать на жизнь профессиональным обманом, убеждают вас, что за пищей надо ходить не в продовольственные магазины, а в аптеки, и именно их чудодейственные пилюли навсегда освобождают любого человека от лишнего веса и полностью выводят из организма шлаки. И не проходит и нескольких лет, как становится виден очевидный результат приема их комбикорма - появляется ещё одна надгробная плита. К счастью у нас существует национальное поверье, что если человек не в состоянии съесть пять килограммов отбивных за один присест, то он неизлечимо болен, а худые люди существуют лишь по милости божьей.

Кляйн, как старый дамский угодник, рассыпался перед хозяйкой дома в комплиментах, сравнив её с богиней, сошедшей с небес, хотя для себя лично он отметил, что шуба на богине намного красивей её самой. Долгое обнимание на пороге было продолжено внутри дома. Интерьер жилища ничем не уступал

экстерьеру здания. Дороговизна сияла по всюду золотом картинных рам на стенах и серебром лепнины на пятиметровых потолках. «Хэр Константин, как я рад фас фидеть», - наконец вырвался из объятий мэра его иностранный приятель. «Сколько лет, сколько зим, как мы здесь говорим», - растаял в улыбке Константин Иванович. Тут из апартаментов белым лебедем выплыла дочь хозяина дома, девица с сомнительным видом: то ли она уже спала, то ли еще не проснулась, - по-видимому, это было одним из её основных занятий. Хэр Кляйн тут же сравнил её распухшее лицо с лицом Моника Белучи, и мог сравнить её со многими другими женщинами, о существовании коих сонная царевна тоже не имела никакого понятия.

- Когда я уфидел фас, - сладко щебетал гость, обращаясь к Люде, как звали дочь мэра, - я помолодел ф среднем лет на двадцать, а может бит и больше!

- Дорогая, - обратилась хозяйка дома к своему чаду, не желая упускать инициативу из своих рук, - не утруждай себя взрослыми разговорами, ты можешь пойти поспать, а то я боюсь, еще немного и мистер Кляйн впадет в детство, - колко заметила любящая мать.

Люда безразличным взглядом сперва посмотрела в окно, а затем, припоминая, наверное, на какой части сна она остановилась, с рассеянным видом направилась в свою комнату досматривать очередную серию сновидения.

- Ошень красивая дощь, - объяснил Кляйн Константину Ивановичу.

- Да, я согласен с вами, дорогой друг, - хитро улыбаясь, ответил отец, - хорошая у нас получилась дочь: умная, красивая, не зря упорно работали над её созданием, - хихикнул господин мэр. - А как она умеет шутить с моими охранниками. Часто слышу, как они смеются в её спальне. У нас ещё есть сын, но в данное время

он, к сожалению, вынужден отсутствовать по независимым от него причинам.

Действительно, парень был вынужден отсутствовать «по независимым от него причинам». Он конфиденциально лечился в наркологическом диспансере от пристрастия к ботаническим изысканиям. Всё прошлое лето он собирал всевозможные травы и собрал, надо сказать, обширнейший гербарий разнообразных сортов и видов конопли и быстро его скурил, не забывая примешивать к зелью героин.

- Когда Костя приедет, он покажет вам все живописные прелести вокруг нашей дачи. Никто в здешних местах не знает окрестности лучше него, ведь он у нас – натуралист.

- О, йа, начралист, как англичанине говорить. Гут, я поняль.

Тут Константин Иванович пригласил иностранца выпить чаю, который для них разлила мать мэра, старушенция, по всем признакам ровесница фараонов.

- А это – моя мама, - представил прародительницу Константин Иванович, - стальная женщина, кремь, таких теперь не делают. – Тут этот взрослый мужчина как-то опасливо посмотрел на мать, как будто до сих пор опасался порки со стороны старушки.

После чая с коньяком, два приятеля, не вставая из-за стола, решили перейти от разговоров к делу, вернее, к разговорам о деле.

- Вы, как я вижу, друг мой, приехали, как обычно, без документов и набросков будущей нашей грандиозной сделки? – спросил Кляйна мэра.

- Вы ше снаете, хэр Константыин, што я не носить кофер, я прифык носить папир сдесь, - скромно признал гость, и выразительно постучал холёным указательным пальцем себя по лбу. - Но в последний фремя мало кое-што забифать.

- Завели бы для такого случая секретаря, - резонно посоветовал предусмотрительный Константин Иванович.

- Я имел один секретарь, как бы говорить, но он не шороший был...

Секретарь и вправду был не совсем хорош. После того, как он однажды получил задание отнести значительную сумму денег в банк, он быстрой походкой вышел из офиса господина Кляйна и после этого его, как не странно, в Германии уже никто никогда не видел. Зато в далекой и свободной от предрассудков Америке на одного богатого гражданина стало больше.

Для деловой беседы приятели отправились в отделанный ореховым деревом кабинет Константина Ивановича, и дальнейшая тёплая беседа велась за закрытыми дверьми...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XIV

Мы живем не в мегаполисах с миллионным населением, со зданиями, уходящими в небо и многоярусными автомобильными дорогами, по которым мчатся сверкающие серебром и хромом автомобили; в мегаполисах, окутанных железными дорогами, по которым летят пугающие воображение своей скоростью поезда,

превзошедшие футуристическими формами космические корабли, - мы живем в обычных провинциальных городах, разбросанных по всей периферии, и жили бы совсем счастливо и беззаботно, если бы не рассадник зла в виде дьявольского телевидения, показывающего всю убогость и непроходимую тупость нашей жизни.

В один из тихих майских вечеров Лариса и Вовик сидели на лавочке в парке отдыха и отчаянно целовались, так сильно налегая на это увлекательное занятие, что у обоих начинали болеть зубы. Слегка устав от поцелуев, Лариса сказала, что у неё замерзли руки, и засунула их в штаны Вовика. Вовик совсем разомлел. Неожиданно он сказал, что хочет пообщаться с ее отцом. И тут Лариса неожиданно поняла, что Вовик стал для неё не только приятелем на один вечер, не только достойным источником денежной помощи, но чем-то большим... Она решила, если уж он такой дурак, то надо устроить Вовику встречу с родителем, то есть Михалычем, но предупредила его, что "папа полный козел". Такого глупого любовника опытная в подобных вопросах Лариса давно не встречала. «Да, - думала в порыве сладостных раздумий Лариса, - счастье, всё-таки, может неожиданно навалиться на любого, надо всего лишь не сойти с того места куда оно шлёпнется!» Как раз в этот майский день Михалыч был выпущен из психиатрической лечебницы, после завершения срока принудительных работ. Именно по поводу этого знаменательного случая Лариса неожиданно покрасила волосы в темно рубиновый цвет с синеватым оттенком.

Рубиновый цвет, надо сказать, сменил на её голове оранжевый, а до оранжевого у неё были лиловые волосы, а до лиловых волос у нее были белые волосы, и так до бесконечности... Пожалуй, никому, кроме медсестёр роддома, не удалось лицезреть настоящий цвет её волос. Наверное, и сама Лариса не была об этом точно осведомлена.

В тот вечер Михалыч сидел за кухонным столом на импровизированной табуретке в форме телевизора - он увёл с бывшей работы новенький японский телевизор, вынул из него внутренности и из телевизора получилась очень удобная табуретка. Михалыч сидел в одних трусах, доходивших ему до колен, вид которых едва вписывался в рамки приличия из-за огромных дыр на самых интимных местах, а когда он вставал и поворачивался спиной, то это уже был просто верх неприличия. Его невероятно волосатые ноги снизу прикрывали дырявые носки, еще недавно стоявшие по стойке «смирно» в углу его комнаты.

Первый взгляд, которым Михалыч смерил зашедшего гостя, слегка испугал Вовика: в нём была слабо скрываемая презрительность римского патриция, безжалостно смотрящего на не гражданина вечного города. Но чувствительная к перемене ситуаций интуиция не подвела юриста, и он как бы спонтанным движением правой руки отодвинул полы пиджака, как бы невзначай оголив горлышко бутылки водки, которую Михалыч не спутал бы ни с одним вместилищем жидкости. Перед встречей Лариса чрезвычайно серьезно убеждала Вовика, что единственная возможность установить какой-нибудь хотя бы слабый контакт с её отцом – это выпить с ним чего-нибудь крепкого. Вовик быстро смог в этом убедиться, наблюдая за тем как Михалыч сначала с большим трудом, а затем более твердой рукой выпил один за другим три полных стакана водки, не упомянув при этом о закуске. Михалыч посчитал лишним угостить водкой или чем-то ещё гостя, и Вовику пришлось

наблюдать за трюком сидя за пустым столом. К тому же Лариса не любила готовить, и была привержена простой и незатейливой кухне, которая называлась "лишь бы не было отравления", но иногда даже этого ей не удавалось. Михалыч вытер рот рукой и глубоко вдохнул в себя воздух с остатками дихлофоса. Вовик тоже почувствовал запах препарата, – это пожилая соседка с нижнего этажа ежедневно непрерывно боролась за чистоту биосферы в своей квартире, каждый день пытаясь вывести настырных тараканов сильнодействующими препаратами, ради чего она и сама была готова подвергнуться токсикомании, ну и соседей не обделит отравой. Правда, несмотря на все токсические удары и химические атаки, тараканы, как фениксы из пепла, возникали снова, пересидев газовые атаки у соседей, в основном у Ларисы и Михалыча. К Петровичу тоже иногда проникало несколько насекомых-перебежчиков, но всех их ждала незавидная участь: они умирали страшной голодной смертью.

Некоторое время Вовик был охвачен чувством полного восторга от такого почти циркового номера. Очнувшись под напором грубого взгляда Михалыча, он робко спросил:

- А... вы... и вторую бутылку сможете сейчас выпить?

Михалыч наградил Вовика презрительным взглядом эпикурейца, встретившегося со стоиком.

- Он у тебя дурак? – обратился к дочери, подошедшей к дверному проёму, слегка размякший отец. – Пусть даёт сюда бутылку. – Это были первые ласковые слова, сказанные Михалычем дочери за последние два года.

- Извините, я как-то не подумал...- Михалыч понял, что вторая бутылка здесь не присутствует, и это сильно испортило и без того безрадостное настроение философа. Взгляд его неожиданно остекленел, и он глубоко ушёл в себя, ни с кем предварительно не попрощавшись.

- Папа, алё, ты чё, вот это – Вова, мой клёвый друг, - как будто пытаюсь достучаться в закутанную в непроницаемость душу Михалыча, почти закричала Лариса.

- Я не глухой су..., бл..., - твёрдо ответил ей Михалыч, откинув сантименты, особенно после того как узнал об отсутствии второй бутылки.

- Я бы попросил вас не выражаться в подобном духе о дамах, – Михалыч начинал все больше поражать слабое воображение Вовика.

- Кто дама, бл...? Да я тебя за такое су..., – Михалыч принял несколько вульгарное сравнение его дочери с дамой за личное оскорбление.

- А я всё же настоятельно попрошу вас не выражаться в присутствии дамы, - возмутился Вовик, пораженный такой чудовищной бестактностью.

- Да пошел ты на х...! - злобно процедил сквозь зубы Михалыч и тут же решил своими действиями нанести непоправимый вред здоровью Вовика. Михалыч знал по личному опыту, что когда назревает обстановка главное быть первым - он неожиданно ловко и метко ударил Вовика ногой по известным пасхальным изделиям, которые так любил имитировать Фаберже.

После этого на некоторое время кухня превратилась в импровизированный боксерский ринг. Боксер в левом углу ринга, то есть Вовик, стоял, согнувшись, безвольно опустив голову и корчась от нестерпимой боли. Его руки были протянуты к ушибленному месту, а ноги – скрещены на манер балерин в «танце маленьких лебедей». В правом, противоположном углу ринга, боксер в серых дырявых трусах в красную полоску, обессилив от резких движений и хорошей порции выпитого, увидел, что путь к отступлению заслонил его противник, и в

рассеянности сел прямо на пол, дожидаясь восстановления физических кондиций. Постепенно чувство боли у Вовика сменилось жгучим чувством самой яростной ненависти, - даже у трусов бывают редкие минуты помутнения рассудка, когда они приходят в злобное бешенство и начинаю чувствовать себя кем-то вроде Тайсона и Кличко в одном лице. Для Вовика всё было в этот момент решено: он решил убить Михалыча мелкими пощечинами. Вовик подскочил к Михалычу, схватил его за грязную майку и с огромным усилием потянул его на себя, возможно, приглашая на мазурку. Михалыч, как былинный богатырь, поднялся, но тут же навалился на Вовика, явственно показав своим обмякшим видом, что он не прочь остановиться на вальсе. Не вынеся такой фамильярности, Вовик оттолкнул его, и Михалыч громко рухнул на пол. Вовик налетел на лежащего Михалыча диким коршуном, резкими, быстрыми движениями нанося ему хаотичные удары по левой стороне челюсти, стараясь отшлифовать её до глянца. После слабого посинения этой части лица Михалыча, Вовик принялся за полирование правой щеки избиваемого, в чём он, надо сказать, не преуспел, выказав явные признаки быстро надвигающейся усталости. Закончив процедуру отмщения, Вовик, задыхаясь от непривычных физических упражнений, сел на табуретку, бывшую когда-то телевизором, и стал глубоко тяжело дышать, стараясь быстрее вернуть себе физическое и психическое равновесие. Лариса тут же поднесла Вовику полный стакан воды, ловко перешагнув через распластавшегося на полу отца.

- На, Вовик, попей, бедный. Я же тебя предупреждала, что папа – полный козёл. Зачем ты меня не послушал?

- Еще и какой козёл, - скривился Вовик. При одной мысли, какую скверную шутку сыграл с ним Михалыч, его снова бросило в пот. – За такое убивать надо! Вот я так со всей душой, а он... Я ему этого никогда не прощу! Драться и когда!.. Бить и кого... -

меня, человека двадцать первого века, находящегося в двух шагах от вершин само... само... самосовершенствования... – чуть не плача причитал Вовик.

На поднятый шум, из соседних комнат высунулись детские, запыленные какой-то подвижной игрой, физиономии малышей. Маленький Валера, шатаясь на слабых ножках, подошел к дедушке, присел на корточки и стал дёргать его, наверное, очень болезненно, за волосы, не скрывая при этом своих ближайших планов надеть в подгузники. Но дедушка никак на это не реагировал. В это время он был уже на полпути к нирване.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XV

Тяжелые двери бара «Шарм» с треском открылись, откинув в конец зала официанта Лёшу, который со свистом полетел вслед за своим подносом, и в бар лихо ворвалась Лариса, со всех ног спеша на встречу со своими закадычными подругами - Наташей и Лилей. В ожидании Ларисы девушки уже битый час сидели в театральных позах: Лиля отвела свою левую руку с длиннющей сигаретой в одну сторону, а Наташа, сидевшая напротив, отвела свою правую руку с сигаретой в противоположную сторону. Всё

это время девушки периодически запускали в воздух сизые струйки дыма и в основном молчали - отсутствие кворума сказывалось на бойкости разговора. Наташа уставила в потолок свой невидящий взгляд, не затуманенный большим разумом и высокими материями, и лишь изредка перебрасывалась с подругой вялыми односложными фразами типа: «Дай сигарету» или «Где твоя зажигалка, моя не работает?». Лиля, как, в общем-то, и все подруги Ларисы, ничем особенным в жизни занята не была и только и делала, что ничего не делала. У неё был сильный характер, но очень слабая воля, потакающая её многочисленным мелким слабостям. При виде рослых мужчин (не ниже ста восьмидесяти) у неё, почему-то, самопроизвольно разъезжались ноги. Как раз в это время Лиля была погружена в свежие воспоминания о расставании со своим последним парнем, который сказал ей на прощание что «она без башни», что не сильно расходилось с действительностью. Этот тип украл у неё набор рюмок и на этом их знакомство закончилось. Рядом с девушками, на стене, висел рекламный плакат, с которого задорно улыбалась полуобнаженная девушка, рекламирующая женскую косметику. Она была весела, потому что не знала, что у неё давно налицо все основные мужские признаки, пририсованные хулиганской рукой какого-то мастера. Перед подругами на столике стояла большая, потрескавшаяся от слишком частого использования, тарелка с остывшим шашлыком. Судя по вкусу, этот шашлык еще недавно жалобно мяукал и ловко лазил по заборам, а его запах напоминал что-то среднее между ароматом старой стельки и благоуханием несвежего носового платка. Вторая антикварная тарелка на столе была пуста, на ней ещё недавно был хлеб, который, незаметно для себя, съела Наташа, с раннего детства приученная матерью к хлебным блюдам, - мать всё приговаривала: «Ешь, доченька,

хлебушек, не то сиськи не вырастут». И результат хлебной диеты, надо признать, превзошёл все мыслимые ожидания.

При виде вбегающей Ларисы, обе девушки просияли от радости. Потом Наташа обиженно произнесла:

- Лариса, что ты с нами делаешь? Мы подышаем от скуки! Что случилось?

- Пришлось всё утро провозиться с детьми, - ответила Лариса, - они решили нашего кота, Ваську, посадить в центрифугу стиральной машины и сделать из него космонавта.

Однако надо сообщить, Васька так просто не дался и отбивался как мог, проявив свой известный бойцовский характер. В конце концов, он пошел на поножовщину, исцарапав в кровь всех естествоиспытателей, после чего они стали орать благим матом и на них пришлось вылить целый пузырек зеленки, после чего дети были раскрашены в мелкий зелёный горошек, перестали плакать и со смехом принялись тыкать друг в друга пальцами.

- Я и смотрю, ты вся как-то осунулась. И вид у тебя усталый, – посочувствовала Лиля.

- Последнее время сплю всего лишь по десять часов в день, больше не получается, пожаловалась Лариса.

- Ты спала всего десять часов?! Лара, куда это годится, - возмутилась Наташа, - ты себя угробишь! Все косметологи говорят не меньше чем о двенадцати.

- Просто как-то больше не тянет...

- Как тебе не стыдно, подруга? Это просто позор! Завал! Вы только послушайте, спать меньше двенадцати часов в сутки. Ужас! Надо работать над собой, проявлять силу воли, что ли, блин. – Наташа посмотрела на Ларису с таким удивлением, как будто та совершила все смертные грехи одновременно.

- Ладно, ладно.. Я буду расти... Заставлять себя. Только не возникай.

В это время Лариса отведала кусок шашлыка и чуть не подавилась насмерть.

- Что это за ужас, - произнесла она, как человек чуть не съевший живую ядовитую змею. - Когда же они научатся здесь готовить, чёрт возьми. Но факт в том, девки, что я ужасно хочу хавать. Лёша, сволочь, поди сюда, мошенник. – Лёша подошел со смиренным видом человека, привыкшего получать выговоры от посетителей не только в словесной форме.

- Сколько раз я тебе говорила, что здесь кроме спиртного ничего нельзя заказывать, - обратилась к Наташе Лиля.

- Лилька, я же говорила - надо что-то поесть. Мне - нормально. У меня в желудке что-то не на месте после вчерашнего бардака. Так напилась... Тоже мне общегосударственный праздник...

За день до этого был день рождения нашей страны. Действительно, во время наших долгих всеобщих праздников выпивается столько древесного спирта, денатурата, растворителя, антифриза и других содержащих алкоголь жидкостей, что после празднования какой-нибудь знаменательной даты в больницы попадает столько народу с телесными, физическими и моральными увечьями, что в пору на другой день объявлять всеобщий траур.

- Лёша, а ну, не стесняйся, гад, давай меню, - закричала Лариса, взяла меню и быстро его пробежала, - вот эти котлеты, понял, сволочь. Две.

Через полчаса, почему-то запыхавшийся Лёша (возможно, он сам их и жарил) принес две горячие котлеты на тарелке с отколотым краем, соблазнительные на вид, но с подозрительным содержимым внутри. Как только Лариса

попробовала одну их них на вкус, то сразу же выплюнула с отвратительным выражением лица, сказав, что их, по всей вероятности, уже когда-то ели, может быть даже не один раз. Больше она ничего не пыталась заказать.

- Кстати, подруги, - встрепенулась Лариса, вспомнив, - мой Вовик просил спросить вас, вы не против того, чтобы на днях побывать в сауне с его сослуживцами.

Не было и речи, чтобы кто-либо из девушек вздумал возражать против такого соблазнительного предложения. Девушки договорились о месте и времени встречи. Но самое интересное началось, когда пришло время платить за заказы. Ничто так не раздражает, как платить за что-либо! Ларису сдуло неожиданным порывом ветра в туалет, и она не показывалась оттуда в течении часа (ещё одна выработанная годами привычка). Наташа вышла покурить и исчезла в только ей одной известном направлении. Лиля долго сидела с ужасно злым лицом, но затем оставила на столе какую-то бумажную мелочь и со скоростью кометы выскочила из кафе под вопросительные окрики Лёши.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XVI

Несколькими днями позже мэр Константин Иванович передал господина Кляйна для отдыха, то есть для разврата,

господину Сущенко. Но сам Сущенко, как человек не склонный к всякого рода сомнительным утехам и пострадавший от женщин, не желал принимать участие в насыщенной культурной программе гостя, и передал его такому знатоку разгульной жизни, как Пётр, - а Вовик должен был Пете в этом посильно помогать. План отдыха не отличался замысловатостью: после плотного завтрака, который Пётр назвал «фуршетом», предполагалась интимная расслабляющая сауна – днём, и весёлая, даже, возможно, буйная дискотека – ночью, с танцами до упада, караоке и щедрыми винными возлияниями пока у гостя хватит сил. После утреннего фуршета, Пётр, Вовик и хэр Кляйн отправились в городскую баню для снятия всех отрицательных эмоций, накопившихся за последнюю неделю.

Здание городской бани представляло собой бесполое дитя барокко и авангардизма. Первый этаж здания был построен в стиле барокко со всевозможными красивыми лепными украшениями, а второй этаж почти весь был составлен из отдельных стеклянных блоков, соединенных между собой железными балками. Даже неискушенные в архитектурном искусстве люди, были сильно поражены таким странным смешением этих далёких друг от друга архитектурных стилей. Что хотел этим выразить архитектор здания - оставалось только догадываться. Когда иностранный гость вошел в раздевалку бани, он отчётливо почувствовал, как там запахло эротикой. В честь его приезда мужская раздевалка была арендована на весь день, и в ней находились три скромных девушки, полностью готовые к принятию термических процедур. Они сидели посреди раздевалки в небрежно накинутых на обнаженное тело коротеньких махровых халатиках. По приветственным радушным улыбкам, которыми они одарили пришедших мужчин, хэр Кляйн понял, что девушки ждут именно их. Наташа, Лариса и Лиля радостно замахали руками: «Мы уже здесь, мальчики! Мы

вас ждем!» - Вовик со смущенной улыбкой подошел к Ларисе и картинно поцеловал ей руку, как человек собирающийся быть не только мужчиной, но и джентльменом. Остальные подружки Ларисы, уже известные нам Наташа и Лиля, тоже знали, кем заняться: Наташа кокетливо обняла Петруху (они не виделись целых четыре часа), а Лилия, целомудренно скрестив на груди ручки, подошла к гостю и, немного наклонившись, так, чтобы халат слегка распустился, представилась: «Лилия, но для вас просто – Лилёк». «Лилёх, о, гут, Лилёх, я рат фас фидеть, Лилёх», - по-женски жеманно ответил господин Кляйн, обрадованный тем, что предназначенная ему девушка очень мила и приветлива, и, судя по её доброй улыбке, характером вряд ли была похожа на его жену, которая, по его выражению, в гневе была страшна, как ураганный ветер в дождливую погоду. Особенно ему понравились пухлые губки «Лилёх», которые могли уступить своей пухлостью только «Лилёхиной» груди. Вовик и Пётр принялись раздеваться, смущаясь, правда, тому, что их подружки нисколько не хотели отвлекаться от процесса их близкого созерцания. Пётр не выдержал и произнес шепотом: «Вы бы отвернулись, что ли, перед гостем неудобно». Девушки фыркнули, порывисто сбросили с себя халатики, и пошли выбирать веники. Гость с пристрастием посмотрел на костюм Евы, в которой облачилась «Лилёх», и про себя отметил, что он был бы еще прекрасней, если бы этот костюм немного погладить. Когда Пётр разделся, на его левом плече обнажилось странное зеленое пятно неопределенной формы. История этого непонятного рисунка своими корнями уходила в безоблачную юность будущего бизнесмена, когда у него неожиданно начался романтический период, и он влюбился в Иру из параллельного класса. Любовь продлилась четыре дня, в течение которых на его плече появилась неумелая татуировка «ИРА». После Иры появилась Света и, следственно, слово «ИРА» было изменено на

«СВЕТА». Но и это имя просуществовало только две недели; и так далее, пока на плече не образовалось непонятное зеленое пятно. Затем романтический период в Петинной жизни прошел и наступил период зрелости, новых татуировок с женскими именами не появлялось, но если в городе появлялась новая девушка лёгкого поведения, то не проходило и пары часов, как Пётр оказывался рядом с ней. Что уж говорить о его секретаршах, с которыми Петя непременно вступал в деловые отношения по долгу службы.

Хэр Кляйн был знаком с древним обычаем мыться вместе с женщинами, и часто участвовал в подобной вакханалии у себя на родине, но он не знал, что наша баня – это не только помывка, но и сложная систематическая порка с пристрастием. Лиля так усердно принялась за его расшатанный непосильным трудом организм, что через пятнадцать минут хэр Кляйн был изможден до крайнего предела и едва волок ноги, выходя из парилки под руку с «Лилёх». Когда они уселись на скамейку в раздевалке и хэр Клаус немного отошёл от процедур, он между делом небрежно схватил Лилю за грудь и стал ненастойчиво её теревить, как будто бы просто хотел не потерять квалификацию в отношениях с противоположным полом, а совсем не для того, чтобы перейти к чему-нибудь более серьёзному. Но он попал в цепкие руки Лили, и ему не суждено было избежать серьезных отношений. «О, господин Кляйн, - загадочно улыбаясь, поспешила спросить Лиля, - неужели вы хотите меня физически унижить?» Её обеспокоило отсутствие наглой страсти с противоположной стороны, и она с силой прижала тощее потное тело немца к своему пышному стану, пылающему жаром и желанием. Подобно необъезженному мустангу, она жаждала, чтобы её объездили, и всё объезжали и объезжали... Среди местного бомонда: старшеклассников и престарелых донжуанов, Лиля была признана превосходной любовницей, потому что

могла совершать одни и те же безостановочные движения в течение целого года, и не задирала за это цены. Хэр Кляйн был очень добр после утреннего злоупотребления винами и горячительного садомазохизма в парилке и легко поддался чарам соблазнительной феи, конечно, насколько хватило его сил. После долгих потуг он, всё-таки, проявил достаточно желания не только «физически унижить», но и физически оскорбить, и физически надругаться над бедной девушкой. Через некоторое время Вовик, Лариса, Пётр и Наташа застали гостя полулежащим на хрупких руках Лили в почти бессознательном от счастья состоянии, полностью очистившегося от стресса и грязи.

После бани вся компания отправилась на городскую дискотеку. В обычные дни дискотека была предоставлена развитой городской молодежи, где дети города проходили полный курс табачной ингаляции, учились основам разврата и получали начальную степень алкоголизма. По выходным дням, из-за дороговизны билетов, посещать дискотеку должны были в основном взрослые и зажиточные люди. Но хэра Кляйна сразу поразило огромное количество малолетних, находящихся в приятном алкогольном опьянении и беззастенчиво курящих. Причём, немец заметил, что чем меньше был ребенок, тем больше была у него сигарета. Скученность народу, смрад и зловонные испарения, здоровые молодые организмы, с ранних лет привыкшие к интенсивной интоксикации, выносили намного легче, чем взрослое поколение неврастеников. На дискотеке господин Клаус, после повторного «фуршета», повторил два грандиозных подвига, описанные в легендах разных народов мира. Сначала, во время отсутствия своих молодых помощников, всю отплясывавших в танцзале, хэр Кляйн увидел, как какой-то кудрявый субъект разговаривает с Лилей недалеко от его столика, развязано положив ей руку на грудь. Господин Клаус немедленно решил выдать себя за Отелло, и в него неожиданно

вселился бес ревности. Немолодой немец встал из-за столика, который находился на втором ярусе возле танцзала, и попытался направиться к наглецу нетвёрдой поступью моряка, идущего по палубе в штормовую погоду, но не удержал равновесие тела, очень тяжёлого после огромного количества выпитых коктейлей, и протаранил стоявшие на его пути столики, как ледокол арктические торосы. После этого ему только оставалось пулей долететь до металлического ограждения и благополучно через него перекувыркнуться, полетев головой вниз на танцевальную площадку, повторив тем самым свой собственный великий поступок, совершенный в Берлинской опере, когда он, изрядно подкрепившись в буфете во время антракта, по окончании представления, шагнул прямо в зрительный зал с балкона бельэтажа, не найдя правильного направления выхода. Последствия в обоих случаях могли бы быть катастрофическими, если бы он не был в этот момент мертвецки пьяный. Поэтому в обоих случаях он отделался легкими ушибами и синяками. После удачного падения у него, тем не менее, еще хватило сил встать, оттолкнуть от себя подбежавших на помощь Вовика и Петруху, и совершить второй незабываемый подвиг: он повторил своими действиями поступок Гулливера, который потушил пламя, охватившее императорский дворец в Лилипутии, используя лишь личные подручные средства, сделав всё это среди танцующей публики и очаровав её своей нетрезвой ловкостью и безоглядой смелостью.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XVII

На следующий день, согласно расписанию в ежедневнике мэра, у него должна была состояться давно запланированная поездка в подсобное городское хозяйство, которое теперь называлось фермерским, и название никак не повлияло на живописную разруху, царящую в этой деревне. - По полям фермерского хозяйства были разбросаны деревянные свинарники и коровники, которые издали были более похожие на остовы древних разбитых кораблей, выброшенных бурной волной на необитаемый берег. Вблизи же казалось, что здания были протаранены каким-то залётным снарядом или другим каким-нибудь низко летающим объектом, причем с некоторыми фермами это было проделано не один раз. Посевные площади, надо признать, были засеяны, и на них начинала колоситься юная растительность, но что будет с ней в конце лета, когда надо будет собирать урожай, да ещё как обычно в проливной дождь или ранние заморозки, этого не знал никто. Половину урожая картофеля обычно уничтожал колорадский жук, которого хотя и безжалостно травили китайскими ядохимикатами, но который, как истинный американец, был неистребим. Часть посевных площадей просто была занята городской мусорной свалкой, и на ней днём и ночью работала дружная бригада бомжей, без устали разрабатывающая богатое месторождение.

Народ в фермерском хозяйстве был с чудным характером, но несколько отсталый. Нельзя сказать, чтобы жители наших деревень не были знакомы с достижениями культурного человечества и что цивилизация совсем не дошла в нашу

глубинку, но, тем не менее, в области время от времени случались дикие случаи людоедства, не говоря уже о частых случаях лихого воровства и бандитизма. Некоторые социологи приписывают это дурным наклонностям нашего народа, остальные же считают это обычным проявлением вопиющей нищеты.

Хэр Клаус Кляйн был выписан из Германии как долгожданный инвестор, способный в сказочно короткие сроки превратить безобразные навозные кучи в горы золота; залить в отравленную речку «Суколку» баварское пиво, а каждого работника сделать высококвалифицированным непьющим специалистом, серьезно занимающимся спортом в свободное от посевной время. На деле же господин Кляйн должен был создать фиктивную фирму, которой было суждено прожить не больше года; получить кредиты, а затем кануть в лету, с большими последствиями для государства. Этим и зарабатывал себе на жизнь хэр Клаус Кляйн.

Ранним утром ничего не соображающего Кляйна, едва начинавшего приходить в себя после веселья, Пётр и Вовик нежно впихнули в машину. Пётр сел за руль, усиленно жуя жевательную резинку, ароматизируя запах перегара. Через двадцать минут они подъехали к даче мэра. Константин Иванович ловко, для своих крупных габаритов и фигуры, больше

напоминавшей шифоньер, проскользнул внутрь машины. Он был один, без охраны, и, казалось, был этому очень рад. Сев на переднее сиденье, он повернулся и посмотрел назад: на заднем сиденье он увидел свернувшегося «калачиком» дорогого гостя, от которого пахло как от местного пивзавода; мэр неодобрительно покачал головой - мол, дай вам человека на сутки, так вот что вы с ним можете сделать:

- Ребята, если дело пойдет так и дальше, Кляйна придется отправлять домой бандеролью...

- Это все коктейли, Константин Иванович, - стал оправдываться Петя, - он их почему-то очень любит, что он в них нашел - не знаю. А у нас вы же знаете, в напитки и этиловый и метиловый спирт добавляют. - Больше всего господину Кляйну понравился коктейль «Ягуар», после которого на утро всем хочется лезть на стену и орать дикой тварью. Кляйн подтвердил слова Пети начинающимся нездоровым храпом, больше напомнившим звук расстроенного контрабаса. Кляйн несколько раз в полудреме ласково произнёс: «О! Лилёх, он - млодэць!» - при этом складывая губы дудочкой и целуя воображаемый силуэт.

В десять часов утра председатель фермерского хозяйства, щуплый рыжий мужичок, юркий проныра, способный влезть в самые узкие, можно сказать, интимные места, с большим букетом роз ожидал гостей у развилки дорог. Одна из дорог, скорей всего, должна была привести в деревню. На указывающем дорожном знаке, стоявшем возле дороги, было написано: «Совхоз 40 лет Октября» - бывшее название сельского хозяйства, хотя сами крестьяне все больше называли его «Сорок лет без урожая». Подъехав к стоящему председателю, мэр открыл окно, поприветствовал фермера жестом главнокомандующего. Но когда тот попытался всунуть в окно

букет роз, Константин Иванович недоуменно повертел пальцем у виска. Председатель понял намек, опустил букет и резво засеменял к «Уазику» - показать путь к объектам будущих громадных инвестиций. Погода, к счастью, была лётной. После любого слабого дождя сообщение деревни с внешним миром держалось лишь на телефонной связи, которая тоже часто подводила. Появление мобильных телефонов председатель фермерского хозяйства принял как манну небесную, празднуя это событие не вылезая из коровника почти три недели. В конце праздника одна из коров съела телефонный аппарат, и звонки глухо звучали в её чреве целые сутки – всё-таки надежные делают вещи...

Когда делегация подъехала к первой свиноферме, председатель с деловым видом вытащил из «Уазика» четыре пары сапог и ловко подбежал, держа их под мышками, к машине гостей. Гости поняли, что им предстоит нелёгкая прогулка. Хэра Кляйна растолкали. «Мистер Клаус, мы приехали, пора нам прогуляться», - ласково сообщил ему мэр. Хэр Клаус с трудом открыл стопудовые веки: «Вас ист..., о йа...», - наконец сознание стало возвращаться к нему, а с ним и ужасное чувство самой противной тошноты. «Тойлет?!..» - вопрошал он с видом безвозвратно гибнущего человека. Председатель мигом указал на отдаленное строение, отдаленно напоминающее какое-либо строение. Немец, не надевая сапог, опрометью помчался в указанном направлении. Когда же он подбежал к подобию туалета и дёрнул за некое подобие ручки на двери, то, не зная наших деревенских обычаев не закрывать клозетов, застал там доярку Никитичну в интересном положении.

Невдалеке от свинарника стоял переживший не одну зиму полусгнивший стог сена, но, несмотря на его гнилость, изнутри него валил густой чёрный дым.

- Что это у тебя там стог горит? - спросил мэр у председателя хозяйства, строго нахмутив брови, как человек не любящий бесхозяйственности.

- Горит!? – удивленно переспросил главный фермер, как будто только что это заметил, - не может быть!

- Может, – грозно произнес Константин Иванович, - а тушить пытались?

- Сейчас всё сделаем, не волнуйтесь, - и председатель метнулся зайцем к рации, находившейся в автомобиле, и довольно долго ругался с кем-то невидимым, размахивая руками и топая ногами, во всю пытаясь показать мэру как ему не всё равно что происходит в хозяйстве.

Через некоторое время хэр Кляйн вернулся к машинам с огромными комьями налипшей земли на ногах, провожая изумленным взглядом чуть не сбившую его рябую лошадь, неожиданно промчавшуюся мимо него со скоростью один метр в час и припадавшую на все четыре ноги. Она тащила за собой старинную телегу, которой никто не управлял, как будто она была на дистанционном управлении, и ещё не известно кто кого принуждал к движению лошадь - телегу или телега – лошадь. Судя по комплекции и объективным законам физиологии, лошадка никак не могла что-либо тащить.

Кляйна пришлось срочно переобуть в сапоги и отдать его туфли на помывку той же Никитичне. Окинув мутным взглядом, окружавший его пейзаж, к немцу, казалось, стал возвращаться интерес к жизни. С только ему понятным любопытством он пристально вглядывался в сельскую даль. Потом медленно перевёл взгляд на деревянное сооружение возле которого они стояли. Свинарник с сильно прохудившейся крышей был одним из самых уважаемых сооружений в деревне. Возле входа была привязана огромная черная собака с голодным взглядом,

явно предвещавшим порванные штаны. Сама форма свинарника привела немца в искренний восторг – форма квадрата, плавно переходящего в ромб, который легко менял форму при сильном ветре, раскачиваясь из стороны в сторону и производя скрипучие созвучья. Председатель фермерского хозяйства пригласил гостей пройти внутрь. Войдя во внутрь, в сопровождении председателя, Пети, Вовика и нескольких работниц хозяйства, Константин Иванович и хэр Кляйн были приятно удивлены откормленности свиноматок и суматошным оживлением, царившем среди породистых хряков (несмотря на тяжелые условия труда, свинарки, трудолюбивые пожилые сельские женщины, делали всё, чтобы не обидеть скотину). «Н-да, - как-то задумчиво произнёс глава городской администрации, а затем сказал непонятную фразу. - Свиной столько же, сколько у нас в городском совете.» - И тут же поперхнулся, не ожидая от себя такого вольнодумия. Как будто в подтверждении этой крамольной мысли, один из покрытых длинной белой щетиной хряков подошел к нему и уставился на мэра немигающим взглядом первого заместителя Константина Ивановича. Мэра даже передернуло от такого совпадения.

В отдельном углу на боку лежала огромная трёхметровая свиноматка с большими как лопухи ушами. К её соскам, в пять рядов тянувшимся по её брюху, прилипло несметное количество розовых поросят.

- Это - наша гордость, - представил глава хозяйства своё достижение, - мы вывели отечественную породу высокопородистых свиней!

- И долго над этим работали? – скептически поинтересовался мэр.

- Нет, не очень. Скрестили голландскую и английскую породы.

Кляйн поднял глаза вверх, немного задрал голову, и увидел огромную дыру в крыше свинарника. Как раз в это мгновение деревянные балки под напором ветра или от своей собственной тяжести затрещали. У хэра Клауса от этого звука и непривычных движений закружилась голова, и на мгновение ему показалось, что крыша вот-вот рухнет на него, а земля медленно начала уходить у него из-под ног. Он пошатнулся, но быстро опустил голову и сумел сохранить равновесие тела. Принимая во внимание его болезненное состояние, это был еще один подвиг, совершенный немцем во время его пребывания в нашем городе.

- Вундебар..., гут..., дас ист фантасти..., натюрлих...- очаровано произнёс он, немного придя в себя. По-видимому, действительность превзошла все самые смелые его ожидания, - он не мог и представить себе большей удачи.

- Это есть воспетительно... - произнес он, повернувшись к Константину Ивановичу, пленённый увиденным. – Подходить лучше...эм... слоф не иметь.

- Я рад, что вам понравилось! Фермерское хозяйство то, что надо, это вам не Германия какая-то, всё как с иголки - полная разруха, - удовлетворённо произнёс мэр. – Работы здесь надолго хватит, так что все будем не в накладе. - Он просиял от радости в предвкушении грандиозной аферы.

- Я могу вам также показать наши коровники, хотя они немного похуже... - поспешил обрадовать приезжих председатель, мгновенно заболевший манией величия, хотя совсем не понимал, чему радуются мэр и его спутник, но чутко уловив нотки ликования в их словах.

- Нет, не стоит, дорогой, - добродушно ответил Константин Иванович, - думаю, картина там ещё более весёлая. – И он по-приятельски похлопал председателя фермерского хозяйства по плечу:

- Хорошо работаете, нечего сказать. Продолжайте в том же духе. – Председатель так и не понял, что это: похвала или подготовка к будущему разносу.

- Вы провели предварительную работу с населением, уважаемый? – спросил его мэр.

- Да, Константин Иванович, но вы понимает... это же наши люди... А наши люди – это человечисы, глыбы, их не так легко сдвинуть с места.

- Не поверили, значит? – вздохнул Константин Иванович. Председатель неуверенно пожал плечами, как человек, давно пойманный односельчанами за занятием пустословием.

- Продолжайте работать...

- Кроме всего прочего, остаётся найти достойную кандидатуру для директора нашего будущего фонда, – Константин Иванович теперь уже обратился к своим спутникам, после того как они вышли из фермы под пристальным взглядом черной собаки. - С необходимой кандидатурой могут возникнуть серьёзные проблемы. Не всякий захочет, так сказать, подвергать себя... Да и слишком умный человек нам ни к чему.

- Я знаю одну такую кандидатуру, - торжественно произнес Вовик, хранивший до этого в течении всего выезда делегации гробовое молчание, потому что лучше всех знал, как жестоко можно поплатиться за все эти коммерческие операции. Кроме того, у него после ночного веселья ужасно болела голова. Только теперь он неожиданно воспрянул духом. Вовик зловеще усмехнулся и еле слышно произнес с сильным чувством тайного злорадства:

- Кандидатуру зовут - Михалыч...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

*

*

*

Возвращаясь из фермерского хозяйства, мэр и господин Кляйн находились в весёлом, можно даже сказать, мечтательном настроении, иногда прерываемом скачками на ухабах проселочной дороги. На лице Вовика играла самодовольная улыбка, говорящая о жестокой мести, готовящейся в его уме для Михалыча. Петя был сосредоточен на ведении машины, но начинал чувствовать слабость, пришедшую вслед за похмельем, и с трудом старался не задремать за рулем. Через полчаса просёлочная дорога кончилась, и машина выехала на областную трассу. На ровной дороге Петя, как ни старался, но стал время от времени клевать носом, и автомобиль начинал слегка вилять, поэтому, когда они приблизились к посту автоинспекции, с которого дорога просматривалась на несколько километров вперёд, то дородный дорожный инспектор опытным взглядом определил необычность в поведении машины, передал информацию коллеге, который, подняв полосатую палочку, властным жестом указал на обочину дороги.

- Вот идиот, - выругался Петя, тем не менее взглянув в зеркало заднего вида на Константина Ивановича, который на обратном пути сел в его машину, поменявшись с Вовиком. Тот глубоко вздохнул, но ничего не сказал, позволив Пете самому искать выход из ситуации, - он не любил ограничивать инициативу подчиненных.

Инспектор спокойно продолжал стоять на том же месте, как будто не замечая машину, терпеливо ожидая, когда выйдет водитель, хотя по инструкции он сам должен подойти к

транспортному средству. А Петя, отлично понимая с кем он едет, не делал никаких попыток выйти из машины и завязать с инспектором дружеский разговор. Игра в кошки-мышки могла продолжаться очень долго.

- Посигналь этому балбесу! - не выдержал мэр, - или мы будем здесь стоять вечно?!

Продолжительные сигналы в течение пяти минут наконец привлекли внимание инспектора, и он опустил до того, что самолично подошел к машине, позволил себе немного наклониться и посмотреть презрительным взглядом в открытое Петей окно.

- Сержант Пекткунтруев, - скороговоркой произнес сержант, как будто стесняясь членораздельно произнести свою фамилию или опасаясь, что её смогут, не дай бог, запомнить, - Ваши права и техпаспорт... У-у-у, да Вы, кажется, выпимши, а ну выходи из машины по одному!

- Послушай, командир...- начал было Петя, но сержант его оборвал:

- Никаких разговоров, - угрожающе понизив голос, зашипел инспектор, - и даже не заикайся о деньгах...

- Слушай, придурок, - разозлился Петя, - ты в салон загляни, может быть узнаешь мэра нашего города.

Грозный инспектор слегка побледнел, снял широченную фуражку и всунул квадратную голову в открытое окно. Увидев мэра, лицо которого два года назад красовалось на каждом рекламном щите, стоявшем вдоль трассы, он, глупо улыбаясь, тут же отдал честь, приложив руку к непокрытой голове, засунутой в окно машины, и громко ударил полосатой палкой, привязанной к руке, по крыше машины.

- Извините, я не хотел...- по-детски извинился инспектор Пекткунтруев, тут же быстро высунул голову из окна, вытянулся и отдал честь, приложив руку к фуражке-аэродрому. – Счастливого пути, господин мэр! – почти прокричал инспектор, провожая отъезжающую машину испуганным любящим взглядом.

- Бывают же идиоты, - соболезнующее покачал головой Петя, - главное сразу заикается о деньгах...Если бы не вы, Константин Иванович, сейчас бы произошел наглый грабёж. Пару раз в год эти бандиты заставляют меня раскошелиться. Если Владимир Васильевич меня когда-нибудь уволит, то пойду в инспекторы, ей богу, на большую дорогу, стану действительно хорошо зарабатывать. Стой себе, занимайся, значит, бездельем и потроши потихоньку...

Мэр от души рассмеялся. Хэр Кляйн, увидев радость друга, тоже развеселился, хотя и не понял предмет радости.

- Если хочешь хорошо зарабатывать – иди в налоговую, - произнёс мэр, проявив некоторую склонность к наставлениям, - знаешь какие деньги каждый день прилипают к их рукам, даже мне приходится с ними договариваться. Озолотишься всего за какой-нибудь год, поверь мне, Петя. Станешь богаче меня. – И мэр задорно, но, не теряя степенности, засмеялся.

- А ещё лучше устроиться на таможню, такие деньжищи текут в лапы, только успевай набивать подушки, - ответил Петя. – В юности я так мечтал стать таможенником, вот только увлечения молодости не позволили.

- Вот одноклассник, - продолжил разговор Петя, почувствовав смелость от благосклонности мэра, - бывший главный бандит и худший ученик школы, - я думал он давно сидит в тюрьме, а тут недавно встречаю его и не верю глазам своим - одет лучше президента – глава охранной фирмы, вот пристроился, гад... Да-а-а, все бывшие бандиты теперь одели форму...

Мэр подозрительно посмотрел на Петю, не ожидая услышать столь вольные рассуждения от столь ограниченного человека. «Заразный ветер свободы», - подумал, печально вздохнув, Константин Иванович...

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

XVIII

Однажды Михалыч, сидя на лавочке возле дома и ожидая возвращения из магазина маленького Вити, заметил, как в соседний подъезд, поздоровавшись со стоявшими перед домом старушками, вошёл средних лет мужчина с портфелем в руке. До Михалыча донёлся обрывок разговора старушек: «Наш новый жилец с третьего этажа...» Михалычу сразу же в голову пришла счастливая мысль «проверить того на вшивость». На следующий день, как всегда в состоянии глубочайшего похмелья, он уселся на лавочке возле соседнего подъезда, терпеливо поджидая свою жертву. Скоро мужчина средних лет с портфелем появился, беззаботно направляясь в свою новую квартиру. Чувствовалось, что на душе у него было легко и весело, как будто, он недавно развёлся.

- Старина, - хриплым голосом загробного царства обратился к нему Михалыч, - дай десятку, умираю..., надо поправиться!..

Мужчина, не меняя благодушного выражения лица, спокойно вытащил из кармана брюк деньги, выбрал нужную купюру и протянул Михалычу. Михалыч попытался скорчить благодарную гримасу:

- Спасибо, бл..., нах..., старик, спас, су... .

После этого, Михалыч как штык в положенный час оказывался на лавочке у соседнего подъезда, и каждый раз повторял одну и ту же просьбу ссудить ему десятку. Сосед, надо отдать ему должное, держался молодцом, не жалея денег для неожиданно появившегося нового приятеля. Иногда рядом с Михалычем сидел Петрович, одетый в пиджак и семейные трусы. Но Михалыч, как человек справедливый, несмотря на то, что их было двое, не увеличивал тариф за проход домой. Однако, когда наступали выходные дни - друзьям приходилось сложно - мужика с портфелем совсем не было видно. Конечно, с его стороны это было форменным свинством: знать, что на улице его помощи ждёт страждущий человекообразный и не высовывать носа, а ведь за два дня гомо сапиенс мог и ноги протянуть. Сначала Михалыч думал, что в выходные дни он не может изловить нового соседа из-за его неопределённого графика входа и выхода из дома. Но когда он просидел весь выходной день на лавочке, но не дождался своего благодетеля, то пришёл в самое страшное бешенство, поражённый ужасной чёрствостью субъекта с портфелем. Ему даже стало ненароком казаться, что тот специально, чтобы не встречаться с Михалычем, сидит дома целыми днями и не выходит. Тут уж Михалыч не выдержал, осведомился у старушек о точном расположении квартиры изверга и пошёл восстанавливать справедливость. После тяжёлого грубого стука дверь изувера открылась.

- Ну, ты это, что не выходишь то, су..., какого х... я тут мучаюсь, значит, а он никак...- И не сумев докончить приветствие Михалыч выпалил, - дай десятку, а то бл... нахр... помру.

Наглому соседу нечем было ответить на справедливые обвинения, как только дать десятку. Мужчина судорожно сунул её Михалычу в руку, заскрежетал зубами и с силой захлопнул дверь. Михалыч ухмыльнулся и пошел вниз.

Через неделю сосед съехал.

Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

*

*

*

19 июля к двери квартиры Михалыча и Ларисы поднялись два милиционера. Один из них, тучный лысый мужчина с большой головой и потёртой кожаной папкой подмышкой, долго подозрительно смотрел на изуродованную дверь с оскорбительной надписью, написанной мелом каким-то грамотеем, потом после минутного колебания сжал кулак и принялся стучать в дверь, обмениваясь со своим товарищем многозначительными взглядами, как будто говоря ему: «Будем похитрому, нежно...». За дверью слышался звук приближающихся шагов и резкий, бесцеремонный голос Ларисы спросил через дверь: «Кто там ещё?» «Мы хотели бы поговорить с Велокопытиным Иваном Михайловичем», - вежливо, чтобы не

спугнуть голос за дверью, но громко произнес милиционер с папкой подмышкой. Дверь открылась, на пороге появилась Лариса, её лицо было покрыто огуречной маской. Один из милиционеров вздрогнул. Лариса тоже вздрогнула, увидев сквозь огуречную маску людей в милицейской форме, - один из огурцов отвалился, и, вспомнив, что это плохая примета, Лариса резко попыталась закрыть дверь, но предусмотрительный слуга феиды с папкой подмышкой очень ловко поставил свою ногу между стеной и дверью – что говорило о том, что он привык к приветливости граждан.

- Но, но, не надо так шутить, девушка, мы здесь по важному делу, и будет лучше, если вы всё-таки позовёте господина Велокопытина, управляющего банком «Взаймыкредит». – Челюсть у Ларисы отвисла, и она некоторое время не могла промолвить ни слова, но потом, лёгким движением мозга, поняла, что тут происходит что-то странное, откашлялась, и, снова обретя дар речи, тихо сказала: «Хорошо», - и пошла будить Михалыча, который уже второй день не мог встать с кровати.

Дело было в том, что некоторое время назад у городского вино-водочного завода не подвезли вовремя спиртовое сырье, и стоявшая на запасном пути городской железнодорожной станции цистерна с ацетоном непонятно каким образом разлилась в тысячи бутылок под видом дешёвой водки, из-за чего несколько сотен трудоспособных жителей города преждевременно отправились на тот свет в адских муках. Директор завода, искусная подделка на человека, правда на которого мэр имел большие виды, как на будущего зятя, не был сколько-нибудь испорчен глупыми понятиями о совести, долге и остальной ерунде подобного рода. Тем не менее, даже он был удивлен, как слабы стали организмы наших граждан, если они не способны противостоять подобной чепухе.

Испытанный ударами судьбы организм Михалыча пришёл в полное расстройство. Мастопатия, молочница, тяжелая форма геморроя, застарелые венерические заболевания и без того более шестидесяти лет время от времени давали о себе знать. А тут еще такое... Ко всем прочим болезням прибавилась еще одна – умственный запор, что проявилось в том, что Михалыч вообще перестал сколько-нибудь здраво смотреть на жизнь. «Наверное, простудился, - безрассудно думал он, почувствовав сильное недомогание *во всём теле*, - нельзя же так заболеть от водки, бл...». Правда последний раз он простужался сорок лет назад и то, когда пролежал всю ночь в угольном сарае при пятнадцатиградусном морозе.

«Па, - начала трясти гулко хрипевшего Михалыча Лариса, - к тебе менты пришли, ищут какого-то управляющего банком».

«Ё, бл...» - едва слышно произнёс Михалыч, с невероятным трудом открывая глаза. Он приподнялся, слабо помотал головой, потом встал с кровати и пошёл. Перед выходом из комнаты он обернулся и невероятным образом увидел себя лежащего на кровати. Михалыч вдруг ощутил непередаваемый ужас и необычайную лёгкость *во всём теле*, его ноги постепенно стали отрываться от пола, и он стал подниматься всё выше, и выше, и выше...

1997г.

